

Рассказы

из книг Марианны Гончаровой

Версия для печати. www.Marooosya.com, 2011

© Марианна Гончарова

Дальницкая, 13

Дедушка мой был необоснованно убежден в неотразимой, невероятной красоте своей внучки. Поэтому не пускал меня по вечерам гулять с подружками. Куда?! Что вы?!

— Сиди дома, — приказывал он. — Из-за тебя же стрельба начнется. Сиди дома.

Дедушка мой, Зиновий Соломонович, которого в 1917 году родители пытались вывезти за границу в корзинке, но на последний пароход не попали, в идеале хотел бы, чтобы я в свои тринадцать лет носила гимназическую форму и косы, не ленилась, тайком читала Чарскую, приседала в глубоком реверансе перед венценосными особами и была «всегда скромна, всегда послушна, всегда как утро...» У бабушки, коренной одесситки, запросы на мой счет были попроще: снять эти ужасные «бруки» (предмет моей гордости — «Левис»), надеть платице, фартук и идти на балкон рубить рыбу.

— И причешишь, — делали замечания оба. — Причешишь! Я тебе сейчас покажу «Битлы», такие «Битлы» тебе покажу! Будут тебе «Битлы»!..

Ну и что они могли мне показать? Деда, как махатма Ганди, носил свою вставную челюсть в складках одежды. Поэтому не всегда можно было понять его отношение к «Битлам». А бабушка, уставшая со мной бороться, однажды, опираясь на библейскую мудрость, объявила, что я сама наконец должна научиться определять, где «семачки», а где «лушпайки».

— Иди на веранду рубить рыбу, — добавляла она.

Эта рыба!!! Ну почему! Ну почему ее надо было рубить только топориком, я вас спрашиваю? Ну почему?!

Однажды случилось. Пользуясь отсутствием бабушки, я быстренько наладила на краю стола мясорубку, и только начала свое подлое дело, как на веранду вошел дедушка. И знаете, как он меня назвал?

Я, конечно, обиделась. Очень обиделась. И вечером настучала бабушке, что деда назвал меня... Он назвал меня... Развратницей!

— Ты этого не видела! — кричал деда бабушке. — Ты не видела. Как она... рыбу.... На мясорубке... Зато все соседи видели. Причешься! — попутно рывкнул он мне. — И теперь все знают, что моя внучка — лентяйка и развратница!

— Опя-а-ать!!! — завопила я.

Какая бабушка вытерпит слезы своей внучки, даже если они не праведные. Бабушка быстро перебежала в мой окоп и набросилась на дедушку. Она вспомнила, что он не починил замок в ванной. И топорик для рыбы затупился. И не рубит. И есть ли в доме хозяин, чтобы этот топорик наточить, и почему до сих пор валяются эти проклятые рога!

Все. При упоминании рогов они забыли обо мне. Можно было натягивать джинсы и уходить гулять. Но я знала, что после того, как они там наругаются всласть, надо будет накапать им в их рюмочки. Деду — от сердца. Бабушке — от печени. Из одного и того же пузырька.

Рога — это отдельная история. Рога винторогого козла привез деду из экспедиции какой-то его бывший студент. Деда хотел прибить их в прихожей вместо вешалки. Но бабуля сначала предложила переступить через ее бездыханное тело, а потом уже вешать этот позор у всех на виду. Рога бабуле не нравились. Во-первых, они на что-то смутно намекали. Потом, они собирали пыль и валялись в неподходящем месте. А недавно на них сел старинный друг семьи доктор Кальт, близорукий и рассеянный, когда пришел измерить бабуле давление.

— Немедленно унеси их! — царским жестом указывает бабуля на рога.

Дедушка возмущается: куда их нести, эти рога винторогого козла! Набирает номер своего студента-благодетеля. Мы с бабушкой переглядываемся. Сейчас деда все напутает. Он у нас страшный путаник. Обязательно все сделает наоборот. Путает цифры... Естественно, не может дозвониться, попадает не туда, говорит от смущения странные смешные слова. Вечером желает доброго утра. Дедушка очень боится телефона. Бабушка только иронично кивает. Дедушка, бывший переводчик, снова все напутал. У нас в семье бытует мнение, бабулей навязанное, что открытие второго фронта во вторую мировую задержалось только из-за дедушки, потому что он там на переговорах что-то путал в переводе.

Дедушка переодевается и идет пристраивать рога в чьи-то хорошие руки.

— На чью-то хорошую голову... — комментирует бабушка дедушкины благие намерения.

Я смотрю в окошко. Такая странная унылая пара удаляется: мой деда и рога винторогого козла.

Через час дедушка и рога возвращаются. Рога — те же. Дедушка взволнован.

— Накапай ему! — приказывает бабушка.

Я капаю в рюмочку. Раз-два...

Дедушка, не выпуская рога, кричит возбужденно:

— Холера! Холера!!!

Бабушка бледнеет. Так наш интеллигентный рафинированный деда еще не ругался никогда.

— Причешись! — кричит деда мне — Холера!! — и это мне?! — В городе холера!!! — погусарски заглатывает он капли, не выпуская рогов из объятий.

Мы пытаемся усадить деда в кресло. Но он мечется по комнате, как тигр с рогами, и возбужденно рассказывает, что встретил доктора Кальта. И сначала доктор Кальт очень испугался нашего дедушку. Думал, что деда вышел забодать его рогами винторогого козла. Но потом деда путано объяснил, зачем вышел, и доктор по секрету сообщил, что в Одессе уже есть больные холерой. И что скоро закроют город. И что все! Все!

— Ну что все, Зиновий? Что все?!

— А как же... А как же она?! — и деда тыркнул в меня рогами. — Как же она?! — и заплакал.

Ну потом уже не очень интересно. Как я капала обоим. Как мы с бабушкой пытались, с риском быть заколотыми, отобрать у деда рога винторогого козла. А он, поудобнее перехватывая их, звонил на железнодорожный вокзал и в аэропорт. Чтобы отправить свою внучку к родителям в Черновцы, подальше от беды. И как наконец он усадил меня в поезд, идущий не в Черновцы, а в Днепропетровск, а бабушка вовремя заметила надпись на вагоне, и я, как морской пехотинец, на ходу выбрасывалась на руки деду. И как мы кипятили воду и посуду, и все пахло хлоркой, и к регулярному замечанию «Причешись!» добавилось «Руки! Вымой руки!!!».

Но уже в конце сентября деда мой стал спать спокойнее. Во-первых, холера шла на убыль, и мой папа всякими неправдами приехал за мной в Одессу. А во-вторых, хоть у нас на Дальницкой и было беспокойно по ночам и даже временами постреливали, эта стрельба была не из-за меня.

Не покидай меня, Дзундза!

Однажды мы выдавали замуж мою старшую сестру Лину. Это случилось абсолютно неожиданно. Из другого города ездил к нашей Линке ее друг Аркаша со звонкой фамилией Дзундза. Он звонил из автомата: мол, я приехал, выходи. А к нам домой прийти — ужас! — он так стеснялся. А мама приглашала, мы же все хотели посмотреть на Линкиного Дзундзу. Мама говорила: «Познакомь нас! Ты что, — подозревала мама, — ты что, нас стесняешься?»

А папа добавлял, что мы же — интеллигентная семья. Благодаря маме. И что он, Дзундза Аркадий, еще будет этим гордиться. Да-да... да-да...

И был как-то осенью дождик. И холодно. Линка простудилась. Тут вдруг телефонный звонок: Дзундза. Лина ему говорит — дождик, холодно. И, с одной стороны, она хотела бы видеть Аркашу, а с другой стороны — ее мама не пускает, потому что температура. А Дзундза растерялся: к нам зайти боится — что же делать? И Лина наша пошутила, умная: «Тогда уже женись!»

Пошутила и забыла. А Дзундза расценил это как приказ. Через неделю он неожиданно позвонил. Но не по телефону, а в нашу дверь. Линка вся в мыле — она Каролину, собаку нашу, купала — открыла... И стоял там Дундза, такой торжественный-сияющий-праздничный, с букетом и двумя родителями — мамой и папой Дзундзами.

Мы, конечно, были в ужасе. Мы ведь ни сном ни духом. Линка возилась с Каролиной. Я на кухне чистила клетку, где жил волнистый попугайчик Терентий, мама мыла посуду после обеда, а папа, как всегда, пел свою любимую песню про «я могла бы побежать за поворот, только гордость не дает» и налаживал удочки на зимнюю рыбалку. И так под папино пение мы мирно переругивались на тему: почему все в доме должна делать именно мама, — и у каждого был свой аргумент. У Линки — собака, у меня — попугай, у папы — песня. И вот нагрянули Дзундзы...

Сначала я даже обрадовалась. Наконец-то мы увидим Линкиного избранника. Ой! Он оказался такой симпатичный, такой застенчивый, что сразу уронил в прихожей большой керамический горшок с деревом алоэ. И алоэ шлепнулось на пол, и мокрая наша собака Каролина собрала на себя всю вывалившуюся из горшка землю. И попугай наш Терентий заорал: «Подсекай!» Мы все выбежали в прихожую и толкались там, от неловкости дотаптывая бедное, похрустывающее под нашими ногами алоэ. Мама Дзундза была в красном пальто, огромная, как гренадер. А папа наоборот — мелкий и с усами. Мама Дзундза басом сказала стишок, что у нас товар — у них купец. И подмигнула, вручив маме коробку с тортом. И все остальные неловко захихикали, умиленно наклоняя головы то к правому, то к левому плечу. Гостей повели в дом. Мама Дзундза топала громко и уверенно — бух-бух! — большими, как у пожарного, ногами, папа же Дзундза передвигался суетливыми перебежками — топ-топ-топ, топ-топ-топ — как муравей, стараясь никому не мешать и не привлекать внимания.

И тогда я поняла, что Аркаша — в папу. И это мне очень понравилось.

Через несколько минут мы все ошалели еще больше, потому что выяснилось, что Дзундзы к нам приехали почти навсегда. Ну то есть с ночевкой. Положение, как всегда в нашей семье, спасла мама. Ну как она придумывает мгновенно такие слова, как она умеет все смягчить — недаром папа гордится, что у нашей мамы голубая кровь! А в нас с Линкой мамина интеллигентность вымерла еще в детском саду. (Так всегда добавляет папа). Мама привела Аркашу и Аркашиных родителей поселиться в нашу с Линой комнату, где папа за минуту до этого разбирал удочки и орал песню про девичью гордость. Аркаша, как только вошел, конечно, сразу зацепился за рыболовный крючок и, пытаясь выбраться, закрутил на себя половину очень ценной папиной лески, заодно затянув в круговорот и своего папу Дзундзу. Так они вертелись, пыхтели, стыдливо улыбаясь, кланяясь и извиняясь, пока папа не схватил

острый нож и под визг особо слабонервных — то есть меня — разрубил узел и выпустил Дзундз на свободу. Мама и Лина побежали на кухню готовить ужин, Аркаша вызвался им помогать, а мы с папой плотно сели в комнате с гостями, потому что надо же кому-то выяснить, в какую семью Линка замуж идет.

Оказалось, в ужасную: папа Дзундза работал дантистом, а мама Дзундза преподавала математику в школе. (Как я ненавидела зубных врачей и математику!) И если папа Дзундза молчал, то мама Дзундза разошлась, обнаружив свежего слушателя — моего папу, и убеждала, что у нее математику знают все. И потом, когда она сказала, что даже в «пятом классе дети высчитывают семенерку в четырнадцатой степени», я под видом «сейчас-сейчас» побежала на кухню шептать Лине про про «семенерку в четырнадцатой степени», но там было не до меня. Там бинтовали Дзундзу младшего. Аркаша успел залезть в клетку к Терентию, нашему попугаю, и тот больно, до крови, укусил Аркашу за палец. И чего полез? Наш попугай на тот период был влюблен в колокольчик. Обычный такой рыбацкий колокольчик — наш папа ему подвесил для развлечения. А что удивительного? Я, например, читала о том, как гусь ухаживал за садовой лейкой, и сама лично была знакома с индюком, очарованным старой пуховой подушкой. Такой был изумительной красоты индюк с гордым профилем ацтека... А Терентий оказывал знаки внимания колокольчику, кормил его зерном, изюмом, пел ему песенки и любовался возлюбленной(ным?), склонив набок свою буйную головушку. Кстати, у нашего попугая была еще одна страсть, из-за которой мы закрывали Терентия в клетке не только на задвижечку, — он ее легко открывал, — но и на прищепку. Дело в том, что Терентий обожал сидеть в теплом картофельном пюре. В центре тарелки. И если вдруг клетку забывали закрыть, Терентий во время нашего обеда вылетал и купался в чем-нибудь пюре, заедая купание котлеткой и овощами.

В тот день, когда Дзундзы приехали сватать нашу Лину, на ужин, как назло, готовили картофельное пюре. Естественно, в суете, бинтуя Аркашу, накрывая на стол, попутно отпихивая вывалившую в земле все еще мокрую Каролину, забыли прищепить Терентия. Он возился не долго, чтобы открыть свою клетку, — ровно столько, чтобы пюре чуть-чуть остыло. Терентий вылетел как раз тогда, когда опрокинули третью рюмочку за родителей и чтоб был мир во всем мире, и мама разложила по тарелкам горячее — фрикадельки и картофельное пюре. Никто не заметил, как Терентий летает над столом, примериваясь, — он же маленький. Мама обсуждали варианты свадебного меню, Аркаша беседовал с Линой, папа вдохновенно рассказывал папе Дзундзе, какая рыба на что клюет. Терентия засекала только я, но поздно... Попугай со всего размаху бухнулся пузом прямо в центр тарелки папы Дзундзы. Тот, вежливо кивая моему папе, обнаружил непрошеного гостя и сначала пытался незаметно вилкой спихнуть попугая. Но Терентий же не муха. У него вообще наш семейный характер: он не только настойчив, но и жизнелюбив. И тогда старший Дзундза смирился и наперегонки с попугаем стал поглощать салат и фрикадельки. Я замороженно следила, кому же больше достанется... Болела за Дзундзу — он явно проигрывал. У Терентия всегда был отменный аппетит. Наконец попугай наелся и, пригревшись в остатках пюре, вздремнул под разговоры. И Дзундза-папа аккуратно доел, что осталось, деликатно возя вилочкой вокруг картофельного островка, где сидел осоловевший Терентий. К тому времени его увидели уже все, но, к моему удивлению, мама Дзундза, хоть и была учителем математики, искренне всплеснула ладонями и ахнула басом: «Какая прелесть!» Наша мама сидела с бледным вытянутым лицом и делала мне страшные глаза, чтоб я водворила Терентия в клетку.

Крик ужаса мы с мамой услышали одновременно, когда разливали чай, — Лина пошла в свою комнату за детскими фотографиями. Мама глазами приказала мне бежать и выяснить. Я побежала... Картина была ужасной! Каролина, наша болонка, чумазая, мокрая и счастливая, уютно свернувшись, спала прямо на пальто мамы Дзундзы — на новом красном пальто, небрежно брошенном в кресло.

Ой-ой-ой! И это было еще не все. Не все. Пальто — мелочи. Что пальто... Мы с Линой тихонько унесли его к родителям в спальню, а потом ночью Лина и мама вычистили его. Пальто — ерунда.

Страшное дело — мы забыли совсем о главном. Мы! Совсем! Забыли! Про кота!!!

Это была моя и только моя вина. Я обожала свою сестру. И искренне хотела ей счастья. И ужасно боялась, что ее не возьмут замуж за Аркашу из-за меня. Ведь папа сказал, что девушки — это такой товар, что надо отдавать, пока его просят.

Так вот, я прикормила уличного кота. И у него, у этого кота, появилась бессовестная привычка по ореху взбираться на окно нашей с Линой спальни. Обычно вечерами или позже он бродил по подоконнику туда-сюда, гремел жестью, подвывал и бодал головой стекло. Короче, те гости, которые оставались ночевать в нашей комнате, переживали по ночам незабываемые впечатления. (Если мы забывали их предупредить). Комната-то была на втором этаже...

И вот, когда все уже улеглись спать, мама вдруг ахнула: кот! Мы забыли сказать им про кота. И именно в этот момент раздался грохот — кот вспрыгнул на подоконник. Мы — мама, папа, Линка и я — в пижамах столпились у двери наших гостей, прислушиваясь. Кот гремел, как каменный гость, но в остальном никаких других звуков не было: никто не кричал, не возмущался. Наши гости то ли замерли от страха, то ли потеряли сознание...

Папа спустился вниз во двор, чтобы позвать и покормить кота. А мы в жутком настроении разошлись по комнатам. Хуже всего было мне. Из-за меня Линка могла остаться старой девой и всю жизнь вязать синие чулки.

Утром я все проспала. Когда я проснулась, в доме пахло ванилью: на кухне мама Дзундза и моя мама пекли оладушки. Мама Дзундза что-то неторопливо рассказывала моей маме. Я пробралась в ванную — оттуда было удобно подслушивать: мама Дзундза рассказывала, как она познакомилась с папой Дзундзой, и как они однажды поссорились на мосту, и папа Дзундза повернулся и ушел. И тогда мама Дзундза закричала с моста во весь голос, — а у нее был тот еще голос, — она закричала так, что ее услышал весь город: «Не покидай меня! — протрубила мама Дзундза. — Не покидай меня, Дзундза!»

И папа Дзундза остался. Навсегда.

И так мне это понравилось, что я вышла из ванной, побежала за учебником математики и попросила маму Дзундзу объяснить мне формулы сокращенного умножения, которые я не понимала и путала. И она объяснила терпеливо и очень понятно. И потом мы снова сидели за столом, и наш папа вместе с папой Дзундзой пели песню про «побежать за поворот», душевно и тепло.

Весной наша Линка вышла замуж и стала Дзундзой. Родители Аркаши в своем городе рассказывают, что они взяли девочку из очень хорошей, интеллигентной семьи. И добавляют, что они — то есть мы — очень любят животных. И что это хорошо о них, то есть о нас, говорит.

Зельман, тапочки!

Уезжал Шамис. Сказал — приходите, возьмите, что надо.

Народ потянулся. Прощаться и брать.

Горевоцкие тоже пошли. Оказалось — поздно! На полу в пустой гостиной валялась только стопка нот «Песни советской эстрады», а на подоконнике стояла клетка с попугаем. Горевоцкая, тайная жадина, стала голосить — да зачем же вы уезжаете, кидаться на грудь Шамису, косясь — а вдруг где-нибудь что-нибудь. Шамис, растроганный показательным выступлением Горевоцкой, говорит: что ж вы так поздно, вот посуда была, слоники, правда пять штук, книги, кримплены. А Горевоцкий шаркает ножкой: да что вы, мы так, задаром пришли. После горячих прощаний Горевоцкая уволокла ноты и попугая. Не идти же назад с пустыми руками.

Попугая жако звали Зеленый. Зеленый был серый, пыльный, кое-где битый молью, прожорливый и сварливый. На вопрос, сколько ему лет, Шамис заверил, что Зеленый помнит все волны эмиграции. Даже белую, в двадцатые годы.

Первый день у Горевоцких Зеленый тосковал. Сидел нахохленный, злой. Много ел. Во время еды чавкал, икал и плевался шелухой. Бранился по-птичьи, бегал туда-сюда по клетке и громко топал.

На следующее утро стал звонить. Как телефон и дверной звонок. Да так ловко, что Горевоцкая запарилась бегать то к телефону, то к двери.

Еще через сутки попугай прокричал первые слова:

— Зельман! Тапочки! Надень тапочки, сво-о-лочь!

— Значит, он и у Зельмана жил!.. — заключила Горевоцкая.

Зельман Брониславович Грес был известным в Черновцах квартирным маклером.

Последующие пять дней Зеленый с утра до вечера бормотал схемы и формулы квартирных обменов, добавляя время от времени «Вам как себе», «Побойтесь Бога!», «Моим врагам!» и «Имейте сострадание». Тихое это бормотание внезапно прерывалось истеричным ором:

— Зельман! Тапочки! Надень тапочки, сволочь!

Через неделю в плешивой башке попугая отслоился еще один временной пласт, и Зеленый зажужжал, как бормашина, одновременно противно и гнусаво напевая:

— Она казалась розовой пуши-ны-кой

В оригинальной шубке из песка...

— Заславский! Дантист! — радостно определила Горевоцкая. — Я в молодости у него лечилась, — хвастливо добавила она и мечтательно потянулась.

Зеленый перестал есть и застыл с куском яблока в лапе. Он уставился на Горевоцкую поганым глазом и тем же гнусавым голосом медленно и елеинно протянул:

— Хор-роша! Ох как хор-роша!

Горевоцкий тоже посмотрел на жену. Плохо посмотрел. С подозрением.

— Может, он тебя узнал?!

— Да ты что?! — возмутилась Горевоцкая. — Побойся Бога!

— Имейте сострадание! — деловито заявил Зеленый и, громко тюкая клювом, принялся за еду.

Ночью он возился, чесался, медовым голосом говорил пошлости и легкомысленно хохотал разными женскими голосами.

— Бордель! — идентифицировал Горевоцкий, злорадно глядя на жену. — Значит, ты не одна у него лечилась!

От греха попугая решили отдать в другие руки. Недорого. Зеленый, в ожидании участи, продолжал напевать голосом дантиста, внимательно следя за Горевоцкой из-за прутьев клетки:

— Моя снежи-ны-ка!

Моя пуши-ны-ка!

Моя царыца!

Царыца грез!

Вечером пришла покупательница — большая любительница домашних животных. Зеленый пристально взглянул на потенциальную хозяйку, отвернул голову и скептически изрек:

— Ничего особенного! Первый рост, шестидесятый размер!

— Это я — первый рост?! — возмутилась покупательница и, обиженно шваркнув дверью, ушла.

— Магазин готового платья? — предположил Горевоцкий. И тут же засомневался: — Хотя... попугай в магазине...

— А может, Фима Школьник? Он немножко шил... — покраснела Горевоцкая и опустила ресницы.

— Школьник? — подозрительно переспросил Горевоцкий.

Зеленый четко среагировал на ключевое слово «школьник» и завопил:

— Товарищ председатель совета дружины! Отря-ад имени Павлика Морозова, живущий и работающий под девизом...

— Живой уголок. В сто первой школе, — хором заключили Горевоцкие.

А Зеленый секунду передохнул и заверещал:

— Зельман! Тапочки! Сво-о-лочь!

По городу разнеслась весть, что попугай Горевоцких разговорился и раскрывает секреты прошлого, разоблачает пороки прежних хозяев и при этом матерится голосом бывшего директора сто первой школы.

Из Израиля, Штатов, Австралии, Венесуэлы полетели срочные телеграммы: «Не верьте попугаю! Он все врет!»

Горевоцкие завели себе толстый блокнот, забросили телевизор, каждый вечер садились у клетки с попугаем и записывали компромат на бывших владельцев птицы.

«Морковские, — писал Горевоцкий, — таскали мясо с птицекомбината в ведрах для мусора».

«Реус с любовницей Лидой гнали самогон из батареи центрального отопления».

«Старуха Валентина Грубах, член партии с 1924 года, тайно по ночам принимала клиентов и торговала собой».

«Жеребковский оказался полицаем и предателем, а жена его заложила».

«Сапожник Мостовой, тайный агент НКВД, брал работу на дом и по ночам стучал молотком. Будя соседей».

Однажды Зеленый закашлялся и сказал, знакомо картавя:

— Алес, Наденька! Рэволюция в опасности!

Горевоцкие испуганно переглянулись. А попугай с той поры замолчал. Выговорился.

И только иногда, когда Горевоцкий приходит с работы, попугай устало и грустно произносит:

— Зельман, тапочки! Надень тапочки! — и ласково добавляет: — Сволючь...

Собака

Исключения бывают из всех законов и правил. Вот, например, закон, что хозяева похожи на своих собак. И наоборот. Есть такое? Киваете. Есть.

Возьмем, например, доктора Карташова и его овчарку Киму. Во-первых, мощь и энергия, стремление к природе. Склонность к романтике. Прическа и глаза. А во-вторых, нежная, всепоглощающая любовь к сельди атлантической пряного посола. Ну и общая ненависть к овсянке. Мало?

Тогда посмотрите на Чернышову и ее японского хина. Их же путают!

Ну а у Вандорских вообще. «Иди сюда, кобель пьяный!» — кричит Вандорская. Что б вы думали? Идут оба — и Вандорский, и Ушик, дог.

Но я не об этом. Не об этом. Об исключениях.

Лазарь Наумович Собельман — гигант силы немереной, хоть и пенсионер. Но в прошлом боксер. А боксеров в прошлом не бывает. Как и учителей, разведчиков или мясников. Так ведь? Одним словом, Лазарь — Самсон-борец. А его собака? Какая-то помесь блохи и хомяка. Но она, эта помесь, растопила Лазарево сердце и оказалась последней, самой пронзительной, жалостливой и нежной его любовью.

По давней привычке к порядку Лазарь называл жену Женой, сына Сыном, кота Котом, а тещу — опять же исключение — именовал почтительно Мамашей. Соответственно собака получила имя Собака.

— Лазарь! — говорили ему друзья. — *Это* никогда не станет овчаркой, Лазарь. Тебя обманули. Отдай это где взял.

— Нет! — решительно отвечивал Лазарь. — Он остается. Собельманы своих решений не меняют.

Что говорить, Собака, ласковый, любящий, преданный, забрал душу. И после того как Собака переболел какой-то мучительной собачьей болезнью, Лазарь стал звать его на «вы».

Умнейший парень, Собака умел выполнять все команды. Лучше всего у него выходила команда «Чужой!».

— Чужой! — и Собака моментально прятался в самое укромное место, пролезая в невероятные углы и щели.

И еще замечательная команда: «А где любимый Собака чемпиона республики в среднем весе боксера Лазаря Собельмана?» И Собака мчался к хозяину, залиvisto лая и прыгая, радостно лизал Лазаря в нос и приговаривал собачьи нежности. Ну не счастье ли?

Остальные команды Собака выполнял разом, быстро: садился, ложился, подавал голос, укладывался на спину, закрывал лапками глаза — «Ах-я-так-хорош!».

Ну да, не овчарка. Но как он умел слушать и сопереживать: вертел головой, водил ушами, подымал брови, постанывал, взвизгивал и пожимал плечами. Тихо, вы! У кого нет и никогда не было собаки. Да, и пожимал плечами!

И надо ж было, чтоб фотограф Ткач в похмельном гневе пнул Собаку. Просто так пнул, ни за что. Собака завизжал от боли и обиды и быстро выполнил команду «Чужой!».

— Убью, — кротко пообещал Лазарь, — убью. Если не извинишься.

— Ну извини, Наумыч, — миролюбиво заворчал Ткач.

— У Собаки, у Собаки проси прощения.

— Щас! — пообещал Ткач. И назвал адрес, куда идти Лазарю, Лазаревой собаке, Лазаревой Мамаше и прочей родне оптом.

— Убью, — тихо попрощался Лазарь. И добавил: — Собельманы своих решений не меняют.

На следующее утро Лазарь выгуливал Собаку рядом с фотоателье Ткача.

— Убью, — поздоровался Лазарь. — Если не извинишься.

Ткач огрызнулся, но торопливо скрылся за дверью.

Через день Лазарь пришел к Ткачу на работу фотографировать Собаку. Все как полагается. Оплатил у приемщицы заказ на фотографии.

— На паспорт, — приветливо попросил он Ткача, а Собаку усадил в кресло. — Собака, сидеть!

Собака сед, лег, твякнул, перевернулся на спину и закрыл лапками глаза.

— Так как?... — робко возмутился Ткач. — Он... он же все лицо закрыл... руками... этими... лапами...

Лазарь любовно усадил Собаку. Пригладил ему чубчик:

— Ну давай, фотографируй. А то, если не извинишься, знаешь сам, Собельманы своих решений не меняют. Кто ж тогда сделает нам фотографии любимого Собаки чемпиона республики в среднем весе? Правда, Собака?

Собака пожал плечами.

Вечером Ткач ждал Лазаря во дворе.

— Слышь, Наумыч, может, мировую, а?

— Ты, Ткач, конечно, умный. Но с креном в прогрессирующий идиотизм. Я ж тебе сказал, Собельманы...

— Да, да... — уныло кивнул Ткач. — Но как же... у собаки...

— Ну, ты иди, думай пока...

Лазарь истязал Ткача больше недели: гулял под окнами, приходил переделывать фотографии Собаки, потому что Собака там был на собаку не похож. Напоминал, что Собельманы своих решений не меняют.

Ткач перестал спать, есть и даже пить. Бегал муравьиными дорожками от Лазаря и Собаки. Он уже твердо усвоил, что Собельманы своих решений не меняют.

В воскресенье Ткач нарядился. Как будто шел просить Собакиной руки и сердца. Лазарь открыл на стук.

— Тебе кого?

— Так это... — переминался Ткач, — я... извиниться... Так что... может...

— А где любимый Собака чемпиона республики в среднем весе боксера Лазаря Собельмана?
— ласково позвал Лазарь.

Собака вышел в прихожую, настороженно и вопросительно глядя на хозяина.

— Ну?! — молча, бровями, спросил Лазарь.

— Ну?! — молча, бровями, спросил Собака.

— Это... — засопел Ткач. — Собака... Извини, блин... Я... это... больше не буду...

Лазарь и Собака посмотрели друг на друга. Лазарь вопросительно мотнул Собаке головой. Собака пожал плечами.

Ткач уходил. Но не было облегчения в его душе. Одна растерянность и смятение. Растерянность. И смятение.

Цвет мечты

Как же я люблю зеленый цвет. Зеленый цвет, говорил конюх принца Чарльза, — любимый цвет Бога. И правильно говорил этот конюх. Иначе почему самое прекрасное на свете, самое значительное или просто милое и симпатичное Бог выкрасил оттенками зеленого — деревья,

травы, мой любимый берет, попугайчиков, крыжовник... не надо мне подсказывать, доллары здесь ни при чем! — изумруды, зеленку, медный купорос, глаза моего кота Мотека, «Гархун», разрешающий движение кружок светофора, арбуз, лягушек...

А вот кстати. Знаете что? Мало мы все-таки беседуем о лягушках, друзья.

Даня, мой сын, очень много интересного рассказывал о лягушках. У него когда-то была парочка воспитанниц — жабы Глаша и Экселенц. Никак сначала мы не могли понять, кто из них мальчик, а кто девочка. Данька решил: кто первый икру метнет, того и назначим девочкой. Но потом он и так разобрался, без икры. Потому что у Глаши было трогательное приветливое девичье личико, а у Экселенца — надменное верблюжье. Даня их выпустил в болотце, в их природную среду, потому что началась весна, икра мечется в воду, а у Даньки не было опыта разведения жаб, и он боялся, как бы головастики не погибли. Даня вообще гармонию природы кожей ощущает. Жена его Ирочка рассказывала, что на пляже Даню можно глазами найти в стайке детей на мелководе по торчащей пятой точке в ярко-зеленых (зеленых!) купальных трусах. Он вылавливает мальков, рассматривает подробно и выпускает обратно в море. А наиболее привлекательными ракушками щедро одаривает детвору, разделяющую его досуг. Он из тех, кто, как говорят, и мухи не обидит. Увидит, кто на муху охотится, и просит: не убивай ее, а если тебе неважно, обидь ее словом. И выпусти в окно. И никогда не делит он животных на теплых пушистых и на холодных скользких. Этому он и меня научил, мой Даня. А особое уважение и жалость он воспитал во мне к лягушкам. Потому что мало того, что они не очень привлекательны с виду — кто знает, какое сердце прячется под их пупырчатой кожей, — но их еще режут в мединститутах, на них ставят опыты в различных академиях. И это еще не все. Их едят! Какой ужас. Как трагичен их жабий удел.

Когда я стану ветхой костлявой старушонкой, я не собираюсь впасть в уныние от того, что все уже было и ничего уже не будет, что ушли лучшие годы и мне теперь не оправдать тех надежд, которые на меня возлагали мои мама и папа, мои бабушки и дедушки, а также любимая учительница русской словесности Берта Иосифовна. Нет. Я не буду поучать всех вокруг и раздавать никому не нужные советы, ворчать в троллейбусе на тему «вот мы в наше время» или того хуже — возглавлять домовый комитет, избирательную комиссию или клезуничать. Потому что у меня будут дела поважнее.

Когда я состарюсь окончательно, я уеду в Англию и пойду в переводчики. Нет, вы не поняли. Я буду переводить животных. Через дорогу. В Великобритании — я видела сама — животные шмыгают через дорогу, не зная страха и опасности. Олени, зайцы, лисы, лоси. А главное (сначала я читала об этом, а потом видела своими собственными глазами) — на севере Англии объявление на обочине. Вот такое: «Помогите жабам перейти дорогу». А под объявлением — зеленое (зеленое!) ведро. Соберется, например, у дороги определенное количество жаб со всех окрестностей, и кто-то, оказавшийся в это время рядом, их бережно подсаживает в ведро. А кстати, самые сообразительные из жаб, кто частенько мотается туда-сюда по делам через шоссе, сами в ведро забираются. И сидят они там, терпеливо ожидая отправления, чинно, вежливо, не толкаясь, учтиво уступая друг другу места в самых удобных углах маршрутного ведра, напевая что-нибудь про себя, знакомясь, флиртуя друг с другом или сплетничая о том о сем. И кто-то берет это самое зеленое (зеленое!) ведро, переносит через дорогу, аккуратно его наклоняет и вытряхивает пассажиров в ближайшие кусты. И жабы скачут себе дальше. Умно? По-че-ло-ве-чес-ки.

Так вот — я мечтаю после выхода на пенсию работать таким вот *переносчиком зеленого ведра*.

Представляете, кем я стану для этих лягушек и жаб? Страшно подумать, дух захватывает. Для них ведь дорогу перейти — как будто на другую планету перелететь. Или даже в другую галактику. Перелететь, и ко всем радостям, что не попали под колеса автомобиля или грузовика, еще и обнаружить, что на той стороне тоже есть *разумная жизнь*, потому что с той стороны стоит такое же зеленое (зеленое!) ведро. И сидят там такие же жабки и лягушки. И ждут того, кто перенесет их через дорогу. То есть меня. Они назовут моим именем их жабью книгу судеб, мной они буду пугать своих непослушных головастиков, и со временем этот жабий народец сложит песни, мифы и легенды о Той-что-переносила-зеленое-ведро-через-дорогу.

Нет. Пожалуй, мне одной такая слава не по плечу. Я позову с собой всех своих друзей, которые к тому времени обветшают, как и я. И вся наша развеселая компания пойдет в переводчики животных через дорогу. И не только в Англии. Планета большая. Животных много. Людей не хватает. Может, кто еще хочет с нами? Давайте, присоединяйтесь. Помогите животным перейти дорогу. Кстати. Мы тут униформу себе удобную придумали. Универсальную. Комбинезоны и кепки. Цвет? А вы как думаете?

Прощай, душа моя, Манюня!

Манюня очень любила Пушкина. И мужа Фиму. Но разную любовью.

— Фимуля, — предложила Манюня на их с Фимой свадьбе, — поедem в свадебное путешествие в Ленинград. Пойдем на Мойку, двенадцать... А?

Фима по натуре был философ. Он не умел конкретно отвечать на вопрос. Он умел его обсуждать. Вопрос поездки обсуждался несколько лет.

Манюня звонила маме:

— Мы завтра едем!

Назавтра она звонила снова:

— Мы уже не едем...

Еще через несколько лет после рождения Ларочки, а потом и Мишки они наконец взяли билеты в Ленинград. Но Фима заболел.

— Мы снова не едем, — звонила Манюня родителям, — у Фимы радикулит...

Но однажды, перед очередной проверкой на предмет подпольного шитья верхней мужской одежды, предупрежденный заранее Фима, разнося по знакомым отрезам, вдруг взял и обиделся.

— Хватит! — вскричал он голосом трагика. — Свободы! Надоело! Надоело слышать условный стук! Надоело говорить пароль! Ехать! К маме!

Фимины мама жила в Израиле.

— Только после Ленинграда! — отрезала Манюня.

Ничего не оставалось делать. Фиме пришлось согласиться.

Была суббота. На Мойку, 12 пришли рано утром. В арке при входе в музей Пушкина висело объявление: «Музей закрыт на реконструкцию до 1987 года».

На дворе стояло лето восемьдесят второго. Документы были уже поданы. С работы их уже уволили. Манюня прислонилась спиной к стене и закрыла ладошками лицо.

— Слушай, — вдруг загорелся всегда нерешительный Фима, закинув голову и разглядывая здание, — вон открытое окно. Я подсажу тебя, ты подтянешься и заглянешь. А вдруг там его, Пушкина, кабинет! А я тебя внизу подержу за ноги.

Так и сделали. Фима кряхтел внизу, поддерживая жену. Манюня кое-как вскарабкалась на узкий цоколь, уцепилась за проржавевшую жесть подоконника и заглянула в распахнутое окно. Посреди комнаты стояла обыкновенная двуспальная кровать. На одной половине кто-то спал, уютно свернувшись под простыней. На второй — легкое одеяло было отброшено, поверх него лежала газета и очки.

— Это квартира... — прошептала Манюня мужу вниз.

— А?! Поднять повыше? — не расслышал Фима и чуть подпихнул Манюню вверх так, что она очутилась в окне по пояс.

— Это квартира! — запаниковала Манюня. — Отпускай! Отпускай! — отчаянно зашипела она, царапая ногтями подоконник, чтоб не грохнуться спиной назад.

— Я не могу выше! — сварливо возмущался Фима, перехватывая ноги жены под коленями.
— Имей совесть! У меня же радикулит!

— Пусти-и-и! — тихо скулила Манюня. — Пусти, пожалуйста! — шепотом умоляла она.

— Стой, где стоишь! Пушкинистка! — ворчал Фима, ухватив жену за щиколотки.

Манюня с ужасом думала, что вот она, уже не очень молодая женщина, фармацевт, мать двоих детей, дочь таких приличных родителей, внучка замдиректора базы галантерейных товаров, племянница раввина Черновицкой синагоги, висит тут, в Ленинграде, на чужом

подоконнике! Торчит тут боком в раме окна, как портрет Лопухиной, и сейчас ее заберут в милицию...

Где-то посигналила машина. Голуби шумно метнулись с парапета набережной на крыши домов. Манюня не удержалась, и Фима, забыв про радикулит, еле успел ее поймать.

— Там... там... — захлебывалась Манюня, — люди там живут!

— В музее?! — удивился Фима и находчиво предположил: — Может, потомки?

Манюня согнулась пополам и, хватаясь руками за живот, засмеялась. Она смеялась и смеялась. Долго. Пока не начала плакать. А потом плакала, плакала и плакала...

...Ночью в поезде Манюне приснился Пушкин. Он шел ей навстречу по набережной, в крылатке, раскинув руки; он шел и кричал:

— Прощай! Прощай, душа моя!

Прощай, душа моя, Манюня!..

Такая пара (монолог)

...Я про них знаю все. Абсолютно все.

Нет, Ева умом понимала, что, конечно, Пава не идеал. Но сердцу разве прикажешь? Не люби Паву! Не люби!!! Так она его очень любила. Очень. И он ее.

Да, Пава был не идеал. Мелкий, сутулый. И нос валялся у него на лице. И уши где-то развелись за спиной. И волосы росли кустами. Но зато чувствительный, тонкий такой, знаете, и легкий, как птица небольшая. Например, пингвин. Ой. Бросьте мне тут... Птица — не птица... Ну гусь! Гусь. Устраивает вас? Он был легкий, как гусь. Можно было, если что, и ущипнуть, и отшлепать его. И места он много не занимал. Свернется в кровати и потеряется. Ева ищет его по всей квартире. Ищет его: «Пава! Пава! Где ты, Пава мой?»

И, как ни странно, от него, такого беспородного, получались красивые и мальчики, и девочки. Очень даже сортовые дети получались.

Да, еще беда: он был страшный грязнуля. Наверное, самый грязный грязнуля на планете. Иногда Ева прихватывала его врасплох в ванной и умоляла пылко:

— Пава! Ну ты уже около воды. Ну помойся хотя бы до локтя.

На что Пава, добрый Пава (он так не хотел огорчать жену, он же так ее любил) спрашивал осторожно:

— Откудава, Евочка, до локтя? С пальцев рук — до локтя?

И Ева уже выходила из себя:

— Нет! — кричала она. — С пальцев ног и до локтя! Или хотя бы с головы и до локтя!

И проклинала Паву гневно. Так проклинала эта Ева:

— Чтоб ты не дождал умереть!!!

Вот так. Ужас какая эта Ева. Ох и рот! Ну и рот! Чтоб она маленькая с ума сошла. А то сейчас такая большая, такая красивая, что уже жалко. Но это ж она так любила. Уже как умела. А он, конечно же, страдал.

Но зато он был такой терпеливый, этот Пава. Он так нежно относился к Евиной прабабушке. Когда он перевозил Евину прабабушку, все Черновцы бежали за машиной. Думали, что переезжает свалка. Потому что Пава согласился взять все! Вы не знаете Евину прабабушку. Чтоб иметь с ней дело, надо сначала хорошо покушать. Она захотела взять все свои старые вещи. И даже дубовый стол с конторкой своего прадедушки. Поняли? Дубовый стол по имени Падла. Потому что он занимал полкомнаты, и все бились об углы. Только Пава не роптал, он воздевал очи к потолку и просил, чтобы тихо, а то прадедушка Евиной прабабушки может прогневаться и насрать, например, дождь. На Паву. А Пава воду не любил. Говорила вам про воду?

И еще коты. Это уже Еве надо было где-то добывать другую чашу терпения. Потому что ее — лопнула. Кот Рубль и кошка Два-Рубля. Пава, такой изобретательный, фантазии не хватило, назвал их по цене, которую ему какой-то алкаш заломил за этих тигров. Нет, надо было купить обоих! Так слушайте, Пава объяснил просто. Что он не хотел разлучать брата и сестру. Слышали? А то они бы стали разыскивать друг друга через Красный Крест. На предмет воссоединения семьи! Эти Рубли, эта наглая, шкодливая, вороватая банда порвала всю мебель, разодрала новый Евин кожаный пиджак, уничтожила обои. И Два-Рубля научилась открывать холодильник. А линияли! Как наш старый тополь в мае!

— Пава! — кричала с балкона несчастная Ева. — Вытряхнись, Пава! Ты же увесь у Рублях.

Ну тут уже соседи проявляли недовольство: кому понравится чужое благосостояние? Писали анонимки, и если честно — было про что. Про Еву.

И теперь Ева. Так, Ева. Она окончила цирковое училище. Отделение эксцентрики. И, конечно, сначала работала в литейном цеху нашего авиационного завода и делала плуги. И этими плугами Ева обеспечивала Кубу. Но вы же не забывайте про Евино образование. Вскоре она уже стала работать почти по специальности. Гнать самогон из томатной пасты. В лаборатории завода. А так, по мелочам, штамповала на том секретном, всем Черновцам известном ракетном станке ТСП-753 дробь 79 крышки для закруток. Продавала соседям.

И спрошу я вас: что, они плохо жили? Ну да, Ева выпивала по чуть-чуть от нервов. Бывало, шлепнет — и теряет челюсть. Но это ничего. У нее было две. Одна запасная. Та потеряется. Эта найдется. Пава очень огорчался и иногда говорил ей:

— Ева-Ева...

Ничего. Зато она хорошо зарабатывала. И Пава тоже, в профсоюзе там кем-то. Списки проверял. И еще числился матросом-спасателем на Пруту. Старшим. Нет, ради Бога, плавать он не умел. Боялся. Я про воду же говорила.

А теперь скажите: почему этот суд? И почему они, Пава и Ева, разводятся на старости лет?! Когда уже надо держаться вместе и на всякий случай где-то поблизости иметь стакан воды. Чтоб подать. Конечно, можно одному бросить пить, а другому начать мыться. Но бывают разве люди без недостатков? Они говорят — хотят пожить по-человечески. Нет, вы послушайте, они хотят пожить... по-человечески... Ай, дураки-дураки... Вот дураки... Такая пара... Такая пара...

Капелюшки, парасольки и дождь в чужом городе

Не знаю, как у вас, а вот у нас в Черновцах женщины могут говорить и говорить, говорить и говорить...

1

— Нет, ну вы заметили, как они во всем разбираются?! Они все знают лучше!

— Да... Как управлять страной...

— Как играть в футбол...

— Как водить автомобиль...

— На что ловится рыба и где...

— Что нужно женщине...

— Вот-вот!

— И чуть что — «Я же говорил!» Я же говорил! Кто так бьет?! Кто так ездит?! Кто так ловит?! Что тебе не нравится? Чего же ты хочешь?!

— Да. Они ничего не умеют.

— Но они знают — как.

— А эта их самоуверенность! С ума можно сойти от такой наглости. Лохматый, небритый, чешется, но интересуется на всякий случай: «А что вы делаете сегодня вечером?..»

— А я недавно прочла объ-явление в разделе знакомств: «Познакомлюсь с интеллигентной женщиной не старше тридцати, без вредных привычек, ласковой и нежной, чтоб владела хотя бы одним иностранным языком и любила возиться в огороде». Вот специально решила познакомиться, специально! Позвонила. Умора, девочки. Спрашивает: «А языков знаете каких-то? А помидорную рассаду надо пересаживать когда? А что-то голос у вас староватый... А вес у вас какой? А квартира?..» Слышите, девочки? Назначила встречу в центре города. А сама побродила вокруг, чтоб понаблюдать. Смотрю, пилит дротя ненаглядный, аферист брачный, чешет мелким скоком. Мама моя дорогая! Крошечный, пегий, задрипанный и зубов не хватает. Несколько горстей. Так хотелось подойти и даже не по физиономии врезать, а отшлепать растоптанным тапком моего мужа по заднице.

— Кстати, тут один хвастался про свою племянницу. Ой, говорит, у нас в городе всего два специалиста по продаже туалетной бумаги. Всего два. Монополия такая. Так вот — наша Риточка ухитрилась выйти за одного из них!

Была я у них на свадьбе. Невеста — в красном. Родители — в черном. В белом был только жених и все официанты. Невеста все время колебалась в выборе, с кем ей целоваться. Тем более, что официанты — такие все красавцы удалые! А жених... Ну, не уродился... Но зато магнат. Держит рынок пипифакса. Повезло девочке. Настоящий мужчина. Главное, теперь в доме туалетной бумаги — завались!

— А мой пришел такой грустный, уставший. В тарелке ковыряется еле-еле. Думаю, развеселю его. Говорю: «Гришенька, ну, Гришенька, — говорю, — курица живет два года. Так? А сколько лет живет полкурицы? Ха-ха-ха! Ну?

Сколько лет живет полкурицы? Ну, Гришенька? Ха-ха-ха?! Да, Гришенька?!»

— Ну? Развеселила?

— Как бы не так! Задумался! Стал высчитывать. В уме. Светильник разума...

— А мой литератор вчера Генку в садик повез на санках. Это после творческой встречи, где они хвалили друг друга, пили и братались. Повез. Генка уснул в санках, вывалился в снег. По-спал, проснулся и обратно домой пришел. А этот приперся в садик, заглядывает в санки... Воспитательница Марта Григорьевна: «А где мальчик?!» А этот — слышите, девочки! — а этот: «А был ли мальчик?..»

Вернулся домой, посадил Генку в санки, поволок. Генка потихоньку вылез по дороге, опять домой притопал. Открываю — стоит в дверях, румяный, сопливый и непобежденный. Этот подарок, мой муж, опять в садик является с пустыми санками... Марта Григорьевна на него уже с интересом: что это он ходит туда-сюда, такой задумчивый, мечтательный, с санями... А этот только руками разводит: мол, я же помню, что сажал... А Марта ему: «Может, вчера?» Он так легко согласился: «Может, и вчера...»

Ходил так несколько раз, санки выгуливал. Так Генка дома и остался...

— Мужчины, скажу я вам, вообще-то народ понятливый. Если им все доступно объяснить.

Вот, например, наш сосед. Машину себе купил. Битую, драную, но с бортовым компьютером. Этот компьютер бортовой, если давать задний ход, орет: «Осторожно — задний ход! Осторожно — задний ход!» И все. Больше ничего не умеет. Но орет. Громко. Особенно в шесть утра, когда мы еще спим.

Я очень спокойно: «Доброе утро, Вася, дорогой, как жена, как дети, Вася? Да-да, — говорю, — а как же, слышали, слышали! Мы уже все знаем, да, у тебя на машине бортовой компьютер, мы уже все-все в курсе. Очень круто, это очень круто, бортовой компьютер, Вася. У нас спрашивают: а кто это у Васи из машины орет как умалишенный? Как идиот орет, Вася! А мы всем отвечаем: так это же у Васи бортовой компьютер! И все: о-о-о! У Васи — бортовой компьютер?! О!!! Как круто!.. Но ты не хочешь его отключить, Вася? Или хотя бы не давать задний ход во дворе? Или давать, Вася, но после восьми утра, Вася, потому что я разобью, Вася, и твой бортовой компьютер, Вася, и твою таратайку, Вася, и твою башку, Вася, и окна в твоей квартире, Вася, если эта твоя ржавая пришибленная сволочь, Вася, еще раз гавкнет в шесть утра про задний ход, Вася!!!»

И знаете, девочки, так мы с ним хорошо поговорили, такой он понятливый парень оказался... Кивал, кивал... Все понял. Тихо утром во дворе.

— А мы в театр вчера ходили. На мюзикл. Про киллера и его жертву. Главный герой — танцующий холодильник. Большой. Двухкамерный. «Норд». Кок такой, начесанный на лоб. Рот не туда разевает — мимо фонограммы. Ему даже не аплодировали в конце. А ей зато все мужчины кричали «Браво!». Все. Она, знаете, взяла и обнажилась. Вот так: обнажилась — и всё. Даже не по сценарию. И все мужчины: «Браво! Браво!» А пела и танцевала примерно так же, как и холодильник. Но у нее такая красивая форма груди, что все кричали «Браво!».

— Да? Грудь красивая?

— Угу.

— Где же герои, дуэлянты, рыцари, где искатели истины, мудрецы, шуты, философы... где королевы, джувельтты, дворянки, коварные леди?!

— Остались киллеры и обнаженные махи...

— Да-а...

2

Думаете, раз женщины — так только о мужчинах?

Вот если сидит в кондитерской компания девочек... так примерно от двадцати до девяноста двух лет... И оживленно — кистями рук, и поводят плечиками, и глаза за челку закатывают... Это они о чем? О мужчинах? Ха!

А о чем?

О политике? О погоде? О болезнях? О футболе?

Ну вот еще выдумали! Что вы... Это о важном! Это о капелюшках. Так у нас называют шляпки.

Есть у нас шляпница — полька Марыся. Поэт... Таких капелюшков нет больше ни в одном городе мира: моделька «Маленькая мама», или «Кокетка», или «Прогулка», или «Панночка», или «Весенний ветер», или «Шоколадка», или «Дождик в Кракове», или «Княгиня Ольга». Боже мой, боже мой, как же это важно! Как это важно!

И о перчаточках, и о туфельках-черевичках, и о парасольках (так у нас называют зонтики). Чтоб парасольки и черевички — в тон капелюшкам. Ну и о главной мечте... Обсуждали бы и обсуждали... Сейчас все замрем, девочки, — и еще раз... Итак...

— Чтоб мелкий нарядный бисерный дождик в чужом красивом маленьком городе...

— Чтоб парасолька с рыжими осенними листьями...

— Капелюшек «Дождик в Кракове» в тон...

— И черевички удобные из хорошей кожи...

— И перчатки строо-о-го по руке... Это важно.

— Да-да... И чтоб вечер... Чтоб умытые мостовые...

— Чтоб кованые чугунные фонари...

— Чтоб теплый дом...

— Запах ванили...

— Корицы...

— Кофе...

— Да-да...

- И никуда не спешить...
- И твои дети повзрослевшие рядом...
- И тоже чтоб никуда не спешили...
- И большая добрая собака цвета меда...
- Можно... И нет телевизора и газет...
- Точно...
- Ну и главное, да? Девочки?..
- Да. Чтоб понимали.
- Чтоб на самом деле, наконец, понимали, что нужно женщине...
- Чтоб понимали...
- А женщине... Ей нужно совсем немного...
- Чтоб понимали.
- Да-да... Чтоб понимали. И все.

Потом — помолчать. Погладить пальчиком кофейную чашечку, подумать, переглянуться, улыбнуться... Вздохнуть понимающе...

Ехали цыгане...

Ну такой это лихой и предприимчивый народ, что просто диву даешься! Как-то ехала я междугородним автобусом из Одессы в Черновцы. Дело было перед праздниками, народу в салоне — не протолкнуться, а тут два цыгана лезут с огромными мешками. Ну куда вы, куда? Пассажиры их усаживают, — мол, и так тесно; а они в крик: у нас билеты, вот! Два! Лезут себе на задние сиденья, расталкивают всех. И как только автобус тронулся, из этих двух мешков с шумом и гамом полез дружественный нам цыганский народ! В юбках своих, с мешками поменьше, с торбами. И все вокруг с ужасом наблюдали, как эти двое с билетами размножились там, на заднем сиденье, а мне было забавно и смешно. Потому что вспомнила я одну историю...

Есть у нас в семье любимый родственник, по имени Сашка-музыкант. Ужасно талантливый, находчивый и радостный. Давным-давно, когда Сашка еще учился в мединституте, он

подрабатывал в цыганском ансамбле. Нет, Сашка не цыган. Наоборот. Дело в том, что на все цыганские ансамбли — их же было у нас несметное количество — не всегда хватало настоящих цыган, тем более владеющих музыкальными инструментами. Их еле-еле хватало на те ансамбли песни и пляски, которые выступали на правительственных концертах и новогодних «огоньках». Поэтому в цыганские ансамбли брали всех мало-мальски кудрявых, черноволосых, темноглазых, желателно с горбатыми носами.

Вот. Поэтому в Сашкином ансамбле играли Филя Ройзман, Семен Майзель, Гришка Гольд и сам Сашка по фамилии Шустер. Причем Сашка был рыжий, как гриб лисичка, — но он, представлявший в группе вокал, единственный имел в своем песеннике, любовно именуемом «скулежником», песни на цыганском языке.

И такие вот цыгане были приглашены в одно горное село играть на свадьбе дочери местного цыганского барона.

Это был незабываемый для Сашки день. В век прогресса, телевидения, КПСС и автомобилей за музыкантами в центр Черновцов приехала обычная телега. В нее была запряжена огромная лошадь с влажными глазами и лохматой бахромой на ногах. Такой себе битюг-тяжеловес по имени Бабетта. Правил телегой ездовой Мирча, колоритный цыган, в шляпе, с усами и горячими бешеными глазами, к которым доверия не было. Красота!

Наши музыканты не сильно обрадовались этому транспорту: им, таким утонченным студентам-медикам, было стыдно — а вдруг их увидят знакомые девушки!.. Но лошадь неслась резво и быстро выехала из города. И от холода возница прикрыл колени музыкантов вонючим битюжьим одеялом. Ну тем самым, которым он Бабетту закутывал в конюшне.

Играть пришлось на улице, стоя на тракторном прицепе. Свадьба была потрясающая! Очень богатая. Гости соревновались с невестой по количеству золота на руках, шее и во рту. Народ разгулялся, Сашка упоенно выл с прицепа: «Ай, нэ-нэ-нэ, ай нэ-нэ...» Некоторое напряжение в веселье внес участковый Дуда, тоже цыган, с роскошными кудрями, выбивающимися из-под милицейской фуражки. Он появился в самый разгар с щедрыми дарами и пистолетом на боку. Участковый быстро разошелся, шмякнул фуражку оземь и с восторженными криками пошел плясать, топтать пятками, при этом не забывая придерживать кобуру, с которой не сводили глаз и хозяева, и гости. Очевидно, прецедент уже был.

Свадьба закончилась благополучно, в драках почти никто не пострадал, — правда, невесту традиционно украли. Но жених раскапризничался, что он вообще тогда уйдет с этой свадьбы, — подумаешь, какая цаца, — и женится на другой. И тогда невеста бегом-бегом прискакала назад как ни в чем не бывало. Конфликт был улажен переговорами жениха с отцом невесты об увеличении приданого за нанесенные оскорбления.

Гости разошлись. Молодые ушли в дом. С музыкантами щедро рассчитались, они собрали аппаратуру и стали искать ездового.

Мирча-ездовой, тоже хорошенько отгуляв на свадьбе, бесконтрольно спал в траве, прикрыв лицо шляпой.

— Мирча! — Сашка потряс ездового за плечо.

— Э? — спросили из-под шляпы.

— Запрягай, Мирча!

— Зачем? — поинтересовался тот.

— Нам ехать надо! — продолжал Сашка трясти Мирчу.

— Куда? — любопытствовал ездовой, пытаясь затянуть беседу и еще немного поваляться.

— Домой, в Черновцы!

— О! Это далеко! — отрешенно посетовал Мирча.

— Мы доплатим, — в отчаянии пискнул Филя, — только запрягай.

Под шляпой помолчали, посопели, повозились и глухо раздалось:

— Подведите мене до коняки!

Без особой надежды музыканты все же подхватили Мирчу под руки и поволокли его к битюгу, что мирно объедал деревья в хозяйском саду.

— Так... коня... уже... вижу... — с интонациями Вия, положив ладонь на морду Бабетты, произнес Мирча. — Теперь идем искать телегу...

Двое волокли Мирчу, который, в свою очередь, вяло тянул за собой упирившегося битюга. Наконец телега была найдена.

— Теперь будем запрягать, — пообещал Мирча, свалился в телегу и захрапел.

Стояла холодная осенняя ночь, дул пронзительный ветер, на столбе одиноко скрипела тусклая неуверенная лампочка, непрерывно, дерзко и угрожающе кричала какая-то птица, во двор набежала целая стая собак и принялась с интересом наблюдать за музыкантами, плотоядно облизываясь. А Мирча спал, натянув на себя Бабеттино одеяло.

— Ой!.. — растерялся Филя.

— Мама... — испуганно произнес Гришка.

— Господи!.. — в страхе позвал Сема.

— Мирча! — гаркнул находчивый Сашка, обратившись к тому, к кому надо. — Запрягай, Мирча! Волки! Коня воруют, Мирча!!!

Не открывая глаз, ездовой резво вскочил, в несколько секунд запряг Бабетту и сел на козлы. Н-но! — и музыканты выехали из подворья под злобный лай собачьей стаи.

— Проснись, Мирча! — взмолился Сашка.

— Не бойсь, — пробормотал сонный Мирча, — Бабетта до Красноильска сама дорогу знает, а там я уже всегда просыпаюсь.

Бабетта резво понесла по сельской грунтовой дороге. Ехали молча, опасливо вглядываясь в придорожный лес, пока не услышали приближающийся цокот копыт. Ездовой проснулся, заозирался суетливо и, увереннее взявшись за вожжи, кинул деловито за спину:

— Это, наверно, Петро Кабек з Залуччи, он всегда музыкантов после свадьбы догоняет. Прячьте гроши, хлопцы, бо отнимет.

Ребята зашуршали, пряча деньги в футляры инструментов. Но это был не Петро Кабек. Хуже. Это был участковый Дуда.

— Ромалы! — спешившись, обратился участковый к Майзелю, Ройзману, Гольду и Шустеру.
— Отут кладбище недалеко.

— Очень интересно!.. — попытался пошутить Филя.

— Так давайте по дороге зайдете туда и моему тату поиграете, хлопцы. Очень уж мой тато музыку уважал!

Музыканты оцепенели.

— Не... — неуверенно ответил Сашка.

— Пане музыкант, — обратился Дуда уже только к Сашке как главному и завозился с пуговкой кобуры, — пойдём, пане музыкант. Тут же недалеко!

— Я не пойду, — решительно отвечивал Сема, — я на похоронах и вообще на кладбищах не играю. Принципиально!

— Я маме скажу... — захныкал Гришка.

Воинственный Филя Ройзман, известный среди цыган матерщинник, уже было открыл рот, чтобы начать обзывать, но тут участковый расстегнул наконец кобуру — и плохие слова застряли у Фили в горле.

— Пошли, хлопцы... — предложил участковый миролюбиво, даже приветливо.

Музыканты безмолвствовали. Участковый сделал вид, что вытаскивает пистолет. Музыканты сделали вид, что встают. Участковый вытащил пистолет. Музыканты встали... Быстро похватав свои инструменты, они спрыгнули с телеги, оставив протрезвевшего трясущегося Мирчу ожидать на дороге.

— Играйте уже! «Сырбаску»! — приказал Дуда, когда они пришли на место, и забился в конвульсиях раскаяния, приговаривая: — Тато! Тато! Я пришел, твой сын неблагодарный! — и размазывая слезы по лицу рукой, в которой держал пистолет Макарова.

Сашка, Сема, Филя и Гришка завели веселую плясовую «сырбаску», от страха впервые в жизни отчаянно фальшивя.

Ночь в горах черная, глубокая, густая, плотная. Особенно перед рассветом. Но именно в это время на рынок в Красноильск или в Черновцы едут на телегах люди, чтоб успеть туда пораньше со своими сыром, бараниной, травами, грибами, ягодами и шерстью.

Каково было их изумление, когда со стороны мрачного ночного кладбища они вдруг услышали звуки скрипок, аккордеона и саксофона... Мороз побежал по коже, хозяева хлестнули вожжами коней и постарались побыстрее проехать этот страшный участок дороги. А потом еще долго рассказывали всем в округе, что по ночам на Залучанском кладбище музыки играют, а около кладбища стоит телега, и в нее запряжена немислимых размеров черная лошадь, а на козлах сидит черный страшный человек и смеется-заливается нечеловеческим смехом... И добавляли уже каждый свое, кому что привиделось или кто уже что придумал.

Сегодня наш Сашка — известный и уважаемый врач. Но иногда в кругу друзей нет-нет — да и вспомнит он свою цыганскую юность, когда играл он на свадьбах и встречал там уйму невероятного, колоритного народу. И никогда, говорит Сашка, никогда он не испытывал такого многообразия и ослепительной яркости жизни, как тогда, глубокой черной ночью, когда играл «сырбаску» на цыганском кладбище покойному отцу участкового милиционера Дуды...

Про Поликарповну

1.

Жена профессора-лингвиста Якова Борисовича уехала в санаторий подлечиться, оставив дом и своего рассеянного восьмидесятичетырехлетнего мужа на Поликарповну, помощницу по хозяйству.

Яков Борисович работает у себя в кабинете. Поликарповна бесцельно бродит по квартире, топая, как каменный гость.

— Поликарповна, что на обед? — спрашивает Яков Борисович.

— Курица.

— Курица? — огорчается Яков Борисович. — Я не люблю курицу!

— Как это не любите? Вы же всегда кушаете...

— Если я кушаю, это не значит, что я люблю! — обижается Яков Борисович.

Через час он выходит к обеду. На блюде валяется маленький, бесталанно разваренный цыпленок. Яков Борисович вздыхает и принимается за еду.

Поликарповна гордо и свысока:

— Ну? Вкусно? Что я вам говорила! Это же не курица! Это песня!

— Да, — соглашается Яков Борисович, — песня. О соколе.

2.

Берта Иосифовна рассказывает, что в санатории попросила у администратора настольную лампу, потому что даже на отдыхе привыкла работать. Администраторша ответила виртуозной бранью, смысл которой: еще чего?!

Берта удивляется:

— Нет, Яшенька, ты слышал?.. Неужели она не понимает, что это не комильфо?!

Поликарповна вскипает:

— А вы, Берта Осивна, как дите малое! Сколько языков знаете, а *чисто* по-русски даже матерное слово сказать не можете!

3.

— Берта Осивна, вчера дали нам, пенсионерам, билеты на Евгения Онегина. Так плакала я, Берта Осивна... Так плакала...

— Почему?

— Один там, которого потом вбили с пистолета, как запоем: «Куда, куда, куда вы удалились», ну годы его молодые, мол, куда-куда... И рукой показуе куда! Так все наши старички с первого ряда стали оборачиваться, оглядываться, куда это он рукою тыкает. Тоже интересовались, куда-куда... И я тоже хотела знать, куда-куда эти годы мои делись?.. Так плакала...

4.

Жена Якова Борисовича, Берта Иосифовна, японистка, в свои восемьдесят два года осваивает малайзийский язык. За ужином жалуется мужу:

— Яшенька, ты знаешь, что мужчина по-малайзийски «лаки-лаки»...

— Красиво, — хвалит эстет Яков Борисович.

— А женщина — «пырынпуа».

— Нда-а-а...

— А множественное число в малайзийском языке образуется с помощью удвоения основы. Значит, мужчины по-малайзийски...

— «Лаки-лаки-лаки-лаки!» — радостно догадывается Яков Борисович. — Красиво!

— А женщины — «пырынпуа-пырынпуа»... — уныло заключает Берта Иосифовна.

Поликарповна, досадливо гремя посудой, резюмирует:

— Шо вы хотите, Берта Осивна, баба — она и у Африке баба!

5.

Берта Иосифовна пришла домой после похорон своей знакомой, смотрит на себя в зеркало, подкрашивает губы:

— Поликарповна, голубчик, когда я умру, губы мне накрась.

Поликарповна растерянно стоит в дверях. Ее лицо кривится, а глаза наполняются слезами.

— Ты что, Поликарповна? Ну что ты так смотришь? Прекрати!

— Да не, Берта Осивна, просто я смотрю, каким цветом красить. У вас же этих помад целый ящичок! — ворчит Поликарповна и уходит плакать на кухню.

6.

Муж Поликарповны, ветеран войны, умер десять лет назад. Прослышала она, что ветеранам войны лекарства дают бесплатно. Звонит в аптеку «Ветеран» и осторожно спрашивает:

— Вы лекарства ветеранам бесплатно даете?

Там, видимо, ответили утвердительно.

— А всем ветеранам даете?

Там снова ответили.

Тогда Поликарповна спрашивает тихо и заговорщически:

— А-а... А покойникам?

На другом конце ойкнули и бросили трубку.

— Ясно. Не дают, значит, покойникам, — мрачно констатирует Поликарповна.

7.

Поликарповна приходит домой раздурманенная, радостная и возбужденная. Говорит:

— Слушайте, Берта Осивна!!! Стою на остановке. Темно. Я одна-одинешенька стою... Останавливается машина, и стекло сползает плавненько, медленно, а оттуда хлопчик пьяненький выглядывает и говорит: «Женщина, я хочу вас *снять*!!!» А я не растерялась и отвечаю ему с гордостью: «Молодой человек! Меня нельзя снять! Я уже *нефотогеничная*».

Ну он потом меня, конечно, разглядел. Но все равно, Берта Осивна, я — грудь вперед, приосанилась, чтоб этот цуцк знал, шо теряет!

8.

Поликарповна повадилась ходить в клуб на собрания конфессии «Врата Сиона».

— Поликарповна, зачем это тебе? Ты же православная, — интересуется Берта Иосифовна.

— А мне там нравится, там старушки собираются, музыка играет, такой кларнет, пирожные дают, и ихний батюшка в черной тубетеечке, такой молодой ласковый красавец. С зубом золотым...

Подходит воскресенье, Поликарповна сидит дома. Ее спрашивают, а как же «Врата Сиона»? Она сокрушается:

— Я сегодня не пойду, всех пригласили к батюшке на большой обед.

— И что?

— Там будет очень много всякого вкусного...

— Ну?!

Поликарповна мнется.

— Так что ж ты сидишь, не идешь?!

— Э... — печально отмахивается. — Неудобно... Туда идтить — это уже надо *верить*.

9.

— Театр я, конечно, люблю, — говорит Поликарповна, — только ни один спектакль не могу досмотреть до конца.

— Почему?

— Так нам, пенсионерам, дают билеты за пятьдесят копеек на первый ряд. А из первого ряду на сцену можно смотреть только лежа. А если пенсионер лег, то все, сразу засыпает. Так и лежим все рядком на первом ряду, нарядные старички и старушки, иногда даже храпим — артисты привыкли.

10.

Портрет Берты Иосифовны напечатали в научном журнале. Фотография двадцатилетней давности.

Поликарповна страшно этим гордится. Читает подпись, далеко отставив журнал, любитесь:

— Вам, Берта Осивна, сейчас начнут письма писать... Солдаты... Заключенные... А может, и священник какой...

И мечтательно:

— Здра-астуйте, прекрасная незнакомка! Пишет вам летчик-космонавт...

Там, где мы живем

Нет, город, где мы живем, уникален. Ну и что, что я писала об этом тысячу раз? И буду, буду, буду. И вот почему.

Через наши места всегда, слышите, всегда проходила дорога из России в Европу и наоборот. Торговый и пассажирский пути. А также из России в Молдавию, в Румынию, к Черному морю... Через наш город проходят все эстафеты, марафоны, автопробеги и олимпийский огонь. И все, кто едет через наши места, любит в окошко и восхищается: слушай, вот это да! А дай-ка задержусь тут ненадолго, что-то мило мне тут... И это ненадолго растягивается надолго — на века.

Раньше еще национальность местного жителя можно было различить по чертам лица или обычаям. А сейчас — куда... Все смешалось, люди из разных краев научили друг друга хорошему: своим традициям и обычаям, как лучше строить, как готовить еду, что петь, во что наряжаться, как принимать гостей, научили хорошим манерам, отмечать национальные праздники, а главное, радоваться жизни. Словом, глобализация на отдельно взятой маленькой территории, в отдельно взятом маленьком городе.

* * *

Замечу, люди у нас, на первый взгляд, несколько странные... Например, очень любят работать. Нигде не любят, а у нас — ну прямо как муравьи, особенно строить и облагораживать. А потом идти вечером с работы и любоваться тем, что в их доме окна больше, забор выше соседского на пять сантиметров, плиточка во дворе аккуратнее положена, деревья растут быстрее, хотя посажены в одно и то же время, куры, гуси и собаки дисциплинированнее.

Вот вы, когда отпуск берете, что делаете? Покупаете шлепанцы, шорты, купальник, сборник кроссвордов. И на моря. А наш человек — что? Он берет отпуск и, не мешкая, немедленно покупает себе цементу целый грузовик, а то и два, кирпичей гору, досок, бревен и других стройматериалов и сооружает дом. Не верите? Ладно.

Вот, допустим, отпуск, купили все для новой стройки. Вечером ходят-ходят вокруг этого богатства нетерпеливо, потирают руки в нетерпении и прямо душа вибрирует: «От порабо-о-отаем! Ну и порабо-о-отаем! Скорей бы утро!»

И, что таить, бывали нередкие случаи, когда человек срывался, да, срывался, не выдерживал такого напряжения... и начинал работать ночью. Утром соседи вставали, а у него уже опалубка готова под новый дом, а сам сидит растерянный и виноватый. Но счастливый. Родственники и соседи ему: «Ну что ж ты, Федя, ты ж обещал, что мы к тебе поработать придем, ну ты же обещал! У нас же совсем дома работы не осталось! Как ты мог?!» Обижаются, завидуют... Ищут, где бы еще поработать, пока отпуск...

Да наконец выстраивают дворец, терем, такая красота неопишуемая, дворик плиточкой, цветы везде, львы с кольцами в носах на воротах. А сами всей семьей поселяются в крохотной времяночке рядом с новым домом, затаиваются и ждут, выглядывая регулярно в окно — не

идут ли к ним гости. А как только гости во двор, они свой новый дом нараспашку — нате! Заходите! Любуйтесь! Будьте как дома! Вот какая красота!

Потом им надоедает, и никак нового отпуска дожидаться не могут, чтоб еще один дом построить или новый колодец выкопать, или бассейн...

И так у нас все. А национальность, верней, корни можно определить, только когда напиваются. Вот тогда где-то на рассвете можно услышать песни на разных языках, бабушкины и дедушкины протяжные и тоскливые песни...

А имена у нас! А фамилии! Музыка, просто музыка: Роберт Аиоани... Амина Аиэрини... Марк Подурау... Дохлый Роман... Что? Фамилия такая, Дохлый Роман Васильевич, заведующий клубом... Что вас удивляет? «Аиэрини» вас не удивляет, а «Дохлый Роман Васильевич, заведующий клубом» удивляет. А вот пара молодоженов — Марин и Романа. Ничего я не путаю! Он — Марин. Она — Романа. Да, что хотят, то и делают. Есть даже Ричард и Джон. Джоник Шишерак. А папа его Флориан. Флорий... Джон Флорианович Шишерак. А? Как? Прямо радуга из звуков, водопад, ветер весенний!

Как-то в горах слышала, как из хаты женщина высунулась, пышная, в кораллах на шее, сорочке вышитой и босая, на крепких ногах. Роскошная. И зычным голосом завопила:

— Ричардэ! Анжелико! Йдить варэныкы йисты!

А Ричард и Анжелика ей в ответ:

— Зарэ! — то есть «сейчас».

Это лэмки. Такая есть народность у нас в горах — лэмки.

А пару лет назад вообще семья турков по соседству поселилась. Хорошие предприимчивые ребята, лаваш армянский пекут, хачапури грузинские, лепешки узбекские, французские круассаны, прибалтийский хлеб с изюмом, интересовались, не знает ли кто технологии выпечки мацы...

Влились в нашу культуру очень быстро, друзей завели, выпивать научились... Затейники...

Звонит один из них к нам домой, говорит так витиевато:

— Здравствуй в веках, Марианна-ханум, свет очей твоего мужа, уважаемого Аркадия Кузьмича, да продлятся дни его за то добро, которое он для нас сделал, когда добыл нам секрет выпечки молдавского калача!

— Марианна-джаным, а сын твой, Даниил-бей, дома е-е-есть? Это Адам звонит, скажи, звонит, чтобы спросить его что-то важное, только не приставай с расспросами, не для твоих глупых ушей, женщина...

Адам значит по-турецки «человек».

* * *

Да... Чудное, загадочное место... Теплая и щедрая земля столько красивых талантливых людей миру подарила. А сколько знаменитостей посетило эти места и оставило в нашей истории свой след...

* * *

Ну вот, например, дороги...

— Король Румынии Фердинанд из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов со своим внуком кронпринцем Михаем объезжал задворки своего королевства. И вот, карета колесом — хруп! — и застряла в огромной непросыхающей луже, — с неподдельной гордостью вспоминают наши старожилы. — И тогда его величество распорядился проложить здесь у нас хорошие ровные дороги. Из ровненского булыжника. Так что хорошие дороги у нас — это благодаря румынским королям.

* * *

Наши таланты — от Пушкина. Что «ха-ха»?! Чего «ха-ха»?! Кто придумывает?! Я придумываю?! Говорю же вам, от Пушкина Александра Сергеича таланты наших людей! Конкретно — людей в Красноильском районе Черновицкой области. Рассказываю...

Когда Александра Сергеевича выслали в Кишинев, дорога из России в Молдавию была одна. Кстати, плохая дорога, грунтовая и пыльная, еще не облагороженная румынскими монархами. Именно по этой дороге как раз и ехал Пушкин в ссылку, возможно, даже проезжая как раз мимо того места, где течет речка Ракитнянка, стоит сейчас дом, из окна которого я в данный момент смотрю на дорогу. Он проехал по нашей области и тоже оставил свой след в истории здешних мест. Нет, ну вы меня удивляете, ну какой след мог оставить Пушкин Александр Сергеевич?! Ну? Ну-у?! Потомков, конечно! Потомков оставил своих Александр Сергеевич, вот кого!

Есть одно село здесь, называется Паланка. Это рай, верите? Оазис! Там люди все в основном смуглокожие, курчавые, низкорослые и темноглазые. Но даже не в этом их особенность. За что бы человек из Паланки ни взялся, все у него получается талантливо. Стихов не пишут, нет, не скажу, стихи — нет, чего врать-то... Но дома строят, колодцы с минеральной водой выкапывают, сады сажают, из бисера плетут, песни поют, новую технику изобретают, вышивают, мебель делают, рисуют... И что удивительно — пьют мало. Так, вина чуть-чуть, говорят, чтоб сердцу стало веселей. И даже говорят, что в сельсовете испокон веков на стене за председателевой спиной висел портрет не великого вечно живого Ленина, не глубоко уважаемого и легитимно возлюбленного советским обществом Леонида Ильича, а Пушкина Александра Сергеевича. И когда приезжие инспектора делали замечание, мол, что за своеволие, почему повесили портрет великого русского поэта Пушкина Александра Сергеевича, он что вам, дедушка ваш, что ли, что вы его тут вот повесили... А председатель отводил глаза и уклончиво-загадочно:

— Ну как сказать... Ну-у... Это...

Вот в других местах народ как-то еще, может, и ленился работать, чтобы «жила бы страна родная, и нету других забот», а здесь на вопрос строгого инструктора райкома партии Скоропада В. В., который ничего не умел другого, только пальцем с трибуны угрожать (и где их на это учили-то, слушайте, а? Вот загадка!): «А работать кто будет, Пушкин, что ли?!» — все Пушкины:

— Конечно, а кто же еще?!

И сливались в едином порыве, испытывая подъем от принадлежности к великому поэту, и работали, потому что кому же работать в нашей стране, как не Пушкиным, правильно?

* * *

А как было... Значит, ехал-ехал Пушкин, а в Красноилъске остановился ночевать у местного головы красноилъского. И ведь предупреждали его, этого начальника с усами, мол, дочку спрячь, Мыкола Игнатич, ховай паненку свою, бо знаем мы этого Пушкина, охальник он, не успеешь оглянуться, и все!..

А Пушкин ни сном ни духом, у него и настроения-то — ноль, даже девушки не радуют совсем, потому что главное что? Не пишется. Сидит невеселый такой, а дочка начальника любопытная сама пред его очи черные, Александра Сергеича, явилась, разодетая, сорочка ручной выделки и вышивки, все как полагается, румянец во всю щеку, ресницы мохнатые, конфузливая, ленточка, коса... (Нет, а кто бы не предстал, когда случай такой раз в сто лет — Пушкин у тебя в доме — нет? Я бы — да!)

Пушкин (слабеньким голоском печальным): — О-о... Барышня...

Девушка: — Здрасссьте... пан Пушкин...

Пушкин: — Честь имею...

Ну?! И согласитесь, разве после *такого* можно устоять?!

Словом, Пушкин на следующее утро — *дай, Никита мне одеться / в митрополии звонят...* — уехал, изрядно оживившись. Уезжал быстро, мол, гони, Степан! Потому что у наших хлопцев нравы суровые — хоть ты и гений там, а отвечать придется, вот поэтому Александр Сергеич почти ничего о наших краях и не успел написать, ноги уносил. И голову свою буйную. А девушкин папенька, разгневанный, через несколько месяцев по-быстрому выдал дочь за управляющего своим имением и выслал в ту самую Паланку, а еще через некоторое время там появился на свет смуглый чернявый хлопчик с точеным носиком.

И что-что?! *И пошло-о!*

Нет, ну так говорят. Так рассказывают. И потом люди, люди! Приезжайте и смотрите сами. Смотрите, любуйтесь, учитесь...

А ну-ка мне!

Мама с папой уехали в Ленинград в свадебное путешествие, когда-то давно отложенное на потом. Они долго не могли в это свадебное путешествие поехать. Сначала учились. Потом папа сдавал государственный экзамен по коню и брусьям. Да, я забыла сказать: папа мой — гимнаст. Мама должна была сдавать теорграмматику, а тут и я — здрасьте вам, явилась — не запылилась, ребенок по кличке Мыша. Мыша — потому что маленькое, писклявое, и девочка. А дальше пошло-поехало. Мы с мамой сдаем экзамен по научному коммунизму. Мама — в аудитории, я в коляске в университетском дворе. Папа уезжает на спартакиаду народов СССР.

— А как же свадебное путешествие? — интересуется мама.

— А как же спартакиада? А как же народы СССР? Без меня? Я ведь один из нас, из народов СССР, — резонно парирует папа. И едет.

И правильно. Привез кучу всего: связку целую звонких медалей, стопку дипломов, книжку для меня, чтоб ее раскрашивать, туфельки для мамы и руку в гипсе. Свою. Съездил, порадовал народы СССР своим участием.

Словом, они все откладывали и откладывали это свое свадебное путешествие. А тут мудрая наша бабушка как топнет ногой: «А ну-ка мне, дети!!! Немедленно поезжайте в свадебное путешествие! Немедленно!».

И мама с папой поехали. Такие привлекательные оба там гуляли. Мама — в роскошной белой юбке колоколом в крупных цветах, в черной бархатной кофточке, а папа в белом чесучовом костюме «Дружба» из братского Китая и в белых башмаках, кучерявый и гордый, что он в Ленинграде с такой красавицей. Тем более это у них был в том году последний шанс. Потому что должна была появиться на свет моя сестра Танька, которую я выпросила себе на день рождения. Мама так и сказала, что если я буду хорошая, то у меня будет сестра или брат. Я сказала: «Зачем мне брат? Я буду очень и очень стараться, пусть лучше будет сестра Таня». И стала ныть и ныть, чтоб была сестра Таня.

— А ну-ка мне, Мыша! Кто будет, тот будет, — сказала мудрая наша бабушка.

Я страшно волновалась, а вдруг, когда мама и папа будут в Ленинграде, в это время сестра Танька появится, и что мы с бабушкой с ней делать будем без мамы?..

И вот родители уехали, а я уселась на пол поудобней и стала реветь. А что еще было делать? Если отсутствие папы я еще могла терпеть, сцепив свои молочные зубы, то маму я должна была всегда держать за руку или хотя бы за полу халата. А когда меня водили в детский садик несколько дней — скажу сразу, ничего у них с этим не получилось, потом ко мне пригласили няню, — то я с собой тайком прихватывала мамину юбку, чтобы за нее держаться. И в саду я надрывалась страшно, но с маминой юбкой не расставалась.

Короче, я стала причитать что-то вроде: «Да на кого ж вы меня, бедную Мышу, оставили одну всего лишь только с бабушка-а-а-а-й!».

— А ну-ка мне, Мыша! — топнула ногой мудрая наша бабушка, сняла со стены портрет Хемингуэя и повесила на освободившийся гвоздь мамин ситцевый халат. Я перестала всхлипывать, кинулась к нему и все десять дней, пока мамы и папы не было дома, простояла рядом с этим халатом, прижималась к нему и шептала: «Мама... Мама...».

Бабушка качала головой, вздыхала, но ногой не топала и «А ну-ка!» не говорила.

Прошло много лет. Очень много лет прошло. Ну просто века прошли-пролетели! Мне предложили поучиться и поработать в Великобритании. Я долго колебалась. Пока моя постаревшая мудрая бабушка, как всегда, не топнула ногой:

— А ну-ка мне! Немедленно собирайся в Англию! Немедленно!

И что? Я засобиралась, конечно.

Забегала к родителям попрощаться и забыла там свою спортивную куртку с австралийским флажком на груди... А потом уехала. Далеко. И надолго. А курточка моя осталась висеть на спинке стула...

Мама с папой подходили к ней, гладили и шептали:

— Мыша... Мыша...

Бабушка качала головой, вздыхала, но ногой не топала и «А ну-ка!» не говорила.

Бабушка тоже гладила мою куртку и шептала:

— Мыша... Мыша...

Конец света

Мы видели конец света. Ну, не совсем конец. Но край.

Нас туда возил Зяблик.

Вот уникальный тип был. Он не озадачивался в свои тридцать лет наживанием какого-либо имущества. Хотя являлся вроде формальным главой семьи. Но там, в этой семье, где он бывал очень редко, Зяблик, в основном, лежал, прикованный к дивану и телевизору, и смотрел про океан и горы. Если про океан и горы не было, он не смотрел, а просто лежал и мечтал про океан, горы или еще про что-нибудь далекое и романтическое. И когда жена Света, — кстати, победительница конкурса «А ну-ка девушки!» среди телефонных операторов, который у них в городе проводил сам Масляков, — говорила ему, что надо не лежать, а наживать честным трудом совместное имущество, Зяблик отвечал, что он лучше останется владельцем одной чайной чашки, одной чайной ложки и одних своих двух домашних тапок. Чтоб легко было передвигаться по жизни от стола до дивана. И что спорить

со Светой смысла нет, потому что может родиться истина, но сомнительная. Поэтому лучше споров избегать.

— Нет, ну вообще... — вздохала Света. — Иди ты...

А однажды утром, когда Зяблик решил начать новую жизнь и сделать Свете приятный сюрприз, Света нагубила ему и опять обозвала словами «Ну вообще...».

И он решительно заявил:

— Знаешь что, Света, жена моя?! — сказал он Свете, своей жене. — Если ты со мной так, то тогда я буду впадать в отчаяние. Буду становиться злым, бездеятельным и мстительным. Я хотел пригласить тебя развлечься в годовщину твоей свадьбы... Со мной... А ты что?! Надулась и отказалась?!

— Вообще, ну? Ничего себе придумал развлечение!!! Пойти в центр города и взвешиваться на весах! Хорош сюрприз!

— Но не на простых же весах, Света! А на го-во-ря-щих!

— Го-во-ря-а-а-а-щих!!! Ага, конечно, это чтоб полгорода знало, каков мой вес! Так и скажи, что это сюрприз не для меня, а для города!

— Света, прости, я ж не нарочно, я по недомыслию, Света!!! — каялся Зяблик. — Ну почему только это?! А потом, после взвешивания и торжественного объявления твоего веса, я хотел пригласить тебя еще ехать посмотреть конец света! Я знаю, где это! Я узнавал-узнавал — и узнал! — прищелкнул хвастливо Зяблик языком.

Света опять глубоко вздохнула и пошла сама наживать совместное имущество путем нелегкого честного труда.

Ну и что же с концом света? — спросите вы. Спр`осите? А вы спрос`ите! Ну?!

Земля наша — планета круглая. И учитывая этот факт, Зяблик долгое время был уверен, что все поезда ездят по железной дороге по кругу. Как на той игрушечной, что ему в пять лет подарили. Аргумент неопровержимый, напоминаю: планета круглая — значит, и рельсы на ней расположены... *овально*.

И где-то на четвертом десятке он вдруг делает открытие, что есть в Карпатах городок, где рельсы КОНЧАЮТСЯ. Обрываются. «Тянулись-тянулись, — объяснял он нам подробно и вдохновенно, изображая поезд, пытая и присвистывая, — чух-чух, чух-чух! Сибирь, Сибирь, Сибирь, чух-чух! Урал, потом степи всякие, мосты, луга, поля — ты-ды-ты-тых, ты-дых-ты-дых! — весь мир подлунный из вашего окна, ту-ту-у-у! Киев, древний город красавец, потом живописные села, мальвы, кипенные хатки, как из снега, а вот и Хмельницкий, бывший Проскуров, там есть гипсовые девушки, пионеры и маленький мальчик с гусем на фонтане в парке, а еще индюков можно увидеть на проезжей части, если повезет. А вот Ивано-Франковск, «панське мисто», там красивые паненки, дамочки в шляпках, старинный город Черновицы, Вижница — СТОП! Куда разбежались?! Все. Дальше — все... Жители этого

городка страшно гордятся тем, что у них есть такая достопримечательность для туристов со всего мира — КОНЕЦ СВЕТА. КРАЙ.

Зяблик взбодрился. Ну хорошо, раз Света не хочет, собирайтесь все в воскресенье на вокзале, поедем туда — поездом. Оттуда вечером автобусом. Потому что поезда-то туда — едут, а оттуда... Оттуда они *не возвращаются!* А может, и возвращаются, но уже каким-то *другим путем*. Так что поедем, поглядим, как там вообще, — куда, например, поезд потом девается, просто пятится или его краном поднимают, переворачивают и опять ставят на другие рельсы в направлении к Сибири. Давайте, друзья мои, говорил Зяблик, поедем и будем стоять и смотреть прямо в упор на локомотив, посмотрим, как он выкрутится.

В электричке Зяблик всю дорогу взахлеб рассказывал нам и какому-то незнакомому дедушке, с которым он немедленно подружился, про край света. И добавил, что хочет знать, что ТАМ и что ПОТОМ. И призывал его, этого своего нового верного товарища, присоединиться к нашей экспедиции и ехать до последней станции, и вместе дежурить рядом с электричкой, чтобы узнать, куда и как она потом девается. Дед покачал головой сочувственно, сказал ласково про Зяблика «От, Божий человек!», погладил его, такого большого, по голове и сошел на своей станции, а на конечную мы уже приехали одни.

Вышли с опаской. Не каждый же день видишь край света. А там, знаете ли, было очень неплохо. Там в тишине пели цикады, рельсы шли гладкие, шпалы чистые, без единой травинки или мусора, шли-шли и вдруг упирались в заросли. Как будто какой-то великан огромными ножницами аккуратно срезал все сплошное кольцевое железнодорожное полотно «Сибирь — Вижница — Сибирь», в которое тридцать с лишним лет верил Зяблик. И так, рельсы упирались в заросли. Зяблик полазил там, внимательно пошерудел и сказал, что дальше — НИЧЕГО нет. Дальше — только планета. Обычный земной шар, но без железной дороги.

Мы предусмотрительно набрали с собой из дому еды, расселись там удобно в кустах и стали ждать. Поезд наш пригородный, на котором мы прибыли, «Черновцы — Вижница», тоже не торопился, стоял себе, отдыхал.

— Это он не просто так стоит, он ждет удобного случая, — предупредил Зяблик, — когда мы отвлечемся, чтобы незаметно смыться. Будьте бдительны! А то я три раза уже здесь сидел, и трижды он обводил меня вокруг пальца.

Мы сначала дежурили по очереди, а потом стало скучно смотреть на закрытые вагоны все время. Что мы, электричек не видели...

Ну мы и отвлеклись, правда, не случайно — вдруг увидели в луже огромную жабу. Такую жабу! Жабу ослепительной красоты — сама бурая, грудка алая, сидит, пыжится, вроде как пугает нас. Причем первым ее, конечно, заметил Зяблик. И закричал, что сейчас ее поцелует, и все у него в жизни пойдет по-новому. И вот мы все отвлеклись на эту красотку, заахали, стали фотографировать... Но когда подняли головы, — оказалось, что наш поезд исчез... Он куда-то делся, бесшумно и таинственно. Как будто растворился.

Цикады пели, рельсы блестели, курлыккала, булькала и чавкала наша пригожая жаба, дальше за рельсами были горы ... Похолодало, птицы затихли, задул свежий ветер, и мы засобирались на автобусную станцию, в цивилизацию.

— Ну вот! Проворонили... — огорчился Зяблик, пал духом совсем, но потом оживился, увидев наши кислые физиономии. — Ну ничего, я в следующее воскресенье опять поеду. И уже тогда глаз от него не отведу! Ни на каких жаб отвлекаться не буду... Кто со мной?

Надо сказать, что в следующее воскресенье никто из нас уже не поехал. У кого-то были занятия в танцевальном кружке, у кого-то тренировка по гимнастике. Не знаю, поехал ли Зяблик один, без нас, без его пионеров...

Да, а я не сказала? Зяблик, то есть Зябликов Владимир Иванович, работал у нас в школе старшим пионервожатым. А потом его уволили за марксистско-ленинское воспитание. Верней, за его полное отсутствие... Мы очень о нем жалели. И только сейчас, спустя сто тысяч лет, мы поняли, что на самом-то деле все тогда было бы серым и обычным, что мир был бы пресным и суровым, если бы не Зяблик. И что только вокруг Зяблика с его веселостью, с его фантазией и чистой ликующей душой, он, этот мир, завихривался, расцветал и ухитрялся радовать не только его, но нас, наивных и доверчивых подопечных...

Мадемуазель Жюльетт-Марион

Это кукла. Ей уже надо присваивать звание героя за выслугу лет в разных семьях. Кукле лет шестьдесят. А может, и больше. Она — парижанка. С выразительным фарфоровым совершенно не кукольным лукавым острым личиком, большими удивленными глазами, с роскошной черной шевелюрой в облезлой соломенной шляпке. Она, сшитая из мягкой байки, уютно по-домашнему одета в платье а-ля пейзаж с оборками и белые панталончики. Каждая семья, которая получает мадемуазель Жюльетт в подарок, делает что-то, какой-то вклад, продлевая ее жизнь. Кто-то пришивает к панталончикам кружева, кто-то подшивает разболтавшиеся руки-ноги, кто-то чинит шляпку...

Нам она досталась в подарок от Карташовых, когда Лине исполнилось пять лет, и Карташовы убедились, что Линка не будет над ней издеваться. Ее подарили с наказом любить и беречь, шептать ей в ухо девчачьи глупости и не оставлять одну. А главное, никогда не класть ее в темный шкаф, коробку, а тем более в полиэтиленовый пакет. Потому что она — живая.

*

Карташовым Жюльетт-Марион досталась как символ семейной реликвии от потомственного дворянина из Парижа. Светка Карташова оказалась его двоюродной внучатой племянницей. Старик их как-то разыскал лет сорок тому назад, прислав огромное письмо на французском языке. В том маленьком городе в Карпатских горах, где жила Светка, в то время не оказалось никого, кто смог бы это письмо перевести. В школах изучали немецкий и английский. Письмо отвезли в областной центр, и там в бюро переводов им отпечатали на машинке

откровения старого дворянина: одиночество, печаль, любимая газета выходит на плохой бумаге, стал хуже видеть, волосы на макушке редеют. Экология, наверное, — размышляет восьмидесятилетний дедушка. И добавляет: «Да! Чуть не забыл! Вы у меня одни на этом свете».

*

Нужно было написать что-то в ответ. Во-первых, ответить на вопросы старика, во-вторых, дать понять: мы не претендуем, хоть и одной крови. У нас все есть.

В горах если выпадал снег, дороги так заносило, что люди оставались долгое время, как на острове. В областной центр можно было доехать только на вездеходе. Светкин отец ужасно изобретательный. Ему в голову пришла абсолютно гениальная идея — Лев Толстой, «Война и мир». Все письма там были написаны на куртуазном французском, а в сносках — перевод. И тогда они решили выбрать оттуда хотя бы пару фраз для вежливого ответного письма.

Все разбежались по комнатам, вооружившись томами Толстого, закладками и карандашами — отмечать подходящие места. Каково же было разочарование, когда выбрать удалось всего две подходящие фразы: «Магазины пусты. Дороги непроходимы».

Старик стал звонить им.

— Бонжур, — говорил он тихим дребезжащим голосом, что означало: «Мне одиноко. Зрение падает. Макушка лысеет. Газета не радует».

— Бонжур, — отвечала Светка, что означало: «Магазины пусты. Дороги непроходимы».

— Же тэм, — говорил старик, что означало: «Да! Чуть не забыл: мы же одной крови!».

— Мерси, — отвечала Света, что означало: «Мы — одной крови, но нам ничего не надо».

— Оревуар, — прощался старик, что означало: «Позвоню еще, если буду жив».

— Оревуар, — это Света, что означало: «Конечно, конечно, звоните в любое время».

Именно этот вот Светкин титулованный двоюродный дедушка и прислал в подарок мадемуазель Жюльетт-Марион. Уже далеко не юную, но хорошо сохранившуюся девицу. С ней в компании выросла сама Светка, потом, подреставрировав личико и ладошки с растопыренными пальцами, она подарила ее своей старшей дочери Тане. Младшая Наташа только ей открывала все свои тайны. А потом кукла-ветеран была подарена Лине. И моя дочь приняла ее в качестве лучшей умудренной прошлым опытом подруги. Линкина бабушка, подремонтировав мадемуазель-пейзанку в очередной раз, вшила в ее мягкое тельце красное бархатное сердечко. И сейчас, когда на нее смотришь долго, кажется, что она дышит.

Риткин зонтик

Ритка — ученица моей мамы. Они подружились на почве английского языка и еще на почве обаяния моей мамы и Риткиного чувства юмора. Они так хорошо дружили, что и дня не могли друг без друга обойтись. Надо сказать, что мою маму вообще очень любят все ученики. Есть у нас в доме одна фотография — виньетка выпускного класса. Выпуска 1964 года. Там все девочки (практически все они — наши с сестрой няньки) сфотографированы в одинаковых кофточках, очень стильных импортных. Просто удивительно, где они столько таких красивых одинаковых кофточек раздобыли. Кстати, и фотография моей мамы была на этой виньетке. И мама тоже была в такой же стильной кофточке с бантиком. Так чтоб вы знали — это была одна и та же кофточка. Девочки надевали ее по очереди и фотографировались. Это была мамина кофточка. Теперь поняли?

Да, так вот мы с сестрой приняли Ритку практически в качестве старшей сестры. Родители часто оставляли нас на нее.

— Ри-ита! — орала я из соседней комнаты. — Как пишется: шыколад или шеколад?

— Шо! — в ответ Ритка. — Шоколад. А что?

— А ничё-ничё. Я пишу список, что ты мне должна купить, чтобы я не говорила маме, что к тебе сюда Олег приходил, и чтобы моя мама не говорила твоей маме.

Мы с сестрой писали:

Шиколад,

Рисовачку, (эту книжку заказывала сестра, там надо было раскрашивать рисунки)

Свяжи нам платье для Кучинской (Кучинская — это была кукла-гимнастка)

Тут мы с сестрой расходились в желаниях, я хотела белое, сестра — красное.

Нарисуй нам бумажных кукол, чтоб вырезать им платья.

В воскресенье пойдем с нами гулять далеко, и чтоб ты нам рассказывала что-нибудь.

И тогда мы ничего не скажем маме.

А в конце я приписывала:

А когда ты уже окончишь институт, тогда привези мне складной зонтик, который из маленького делается большим-большим. И цветным.

У меня тогда был только смешной клеенчатый китайский зонтик на бамбуковых тростях.

И я получала свой шоколад на следующий день. И платье для куклы. И бумажных красавиц. Риткин брат Женя был художником, поэтому наши куклы были лучшие во дворе. И конечно, Ритка уводила нас гулять и рассказывала много чего интересного. Мы были страшными

шантажистками. Хотя все это делалось только потому, что мы хотели, чтобы Рита принадлежала только нам. И никаким всяким Олегам.

Сейчас Рита со своим Олегом живет в Бангладеш. Пишет мне удивительные письма. Там, в Бангладеш, к ней в дом пришла собака. Пришла, стала ненавязчиво кокетничать, юлить, подлизываться. Рита долго крепилась, держала нейтралитет, мол, я тебя не знаю и знать не хочу. Но собака была с характером и дело свое знала очень хорошо, она принялась защищать Ритку от муравьев и соседей. И однажды Ритка расслабилась, ну была в хорошем настроении и ей подмигнула. Собака поняла это как *входи, живи, чувствуй себя как дома*.

Ритка наша добрая и очень красивая. Она как улыбнется на базаре, там у бенгальцев температура сразу повышается. Продавцы все бросают и за ней несколько километров бегут, чтобы всучить какой-нибудь залежалый товар за бесценок, но втридорога... И Ритка на третьем километре такого преследования обычно жалеет бенгальца, ну что он, маленький, бежит, тряпками размахивает и лопочет — они ведь все костлявые, коричневые, ленивые — останавливается она резко, оборачивается, бенгалец ей в объятья — шмяк! И застывает, как в раю. Ритка аккуратно бенгальца от своей роскошной груди отпихивает и вежливо спрашивает:

— Ну?! Какого черта?!

А тот как начинает перед белой красавицей хвастаться своим товаром, он же на себе тянул все три километра, когда за Ритой бежал. Это в плохие дни. А в удачные за Риткой бежит полбазара. Их даже не останавливает, если Рита в машину садится, — они тогда догоняют автомобиль и в окна стучат зазывно, мол, отвори потихоньку калитку... И покупает Ритка у них какую-нибудь циновку там или еще что-нибудь. На такой вот циновке поселилась у нее та самая большая длинная толстая и желтая собака. Как, вы думаете, можно назвать большую длинную толстую и желтую собаку? Правильно, Банан.

Банан отличался добрым нравом. Исключительной верностью. И проявлял стойкую любовь к мусульманским обрядам. В преддверии рассвета он очень торопился во двор и внимательно смотрел на минарет, что высился неподалеку. Как только туда взбирался муэдзин, Банан не мешкая откашливался, плотно усаживался на хвост и принимался вдохновенно вторить, распевая во все горло сладостную хвалу Аллаху. За что неоднократно был бит оскорбленным местным населением. Но пристрастия своему не изменил. Даже самая вкусная котлета, даже очаровательная соседская болонка-французенка Корова не могли отвлечь Банана от любимого занятия восхваления Всевышнего.

Обо всем этом мне рассказывала в своих письмах наша Ритка. Но я это пишу только для того, чтобы вы поняли, какая она замечательная. Она ведь с самой своей юности ездит по всему миру, и не праздно путешествовать, а работать. Ритка — переводчик. И вот однажды, когда она работала со своим Олегом в Египте, там случилась война Судного дня. И красавицу Ритку, главное — как сказал один военный летчик — стратегическое оружие нашей страны, красавицу блондинку с сияющей улыбкой и синими глазами, Ритку и еще пятнадцать жен советских специалистов, которые оставались там, в Каире, ночью на военно-транспортном самолете эвакуировали из Египта. Их самолет опустился на пустынный военный киевский аэродром. И когда самолет сел, это было в начале октября, и Ритка стояла там, на пустынном аэродроме, одна, растерянная, с будущим сыном Павликом в животе, тогда она разревелась,

что для Ритки большая редкость. Так вот, в маленькую сумку, в которую ей велели собрать САМОЕ НЕОБХОДИМОЕ, Ритка кинула документы, медицинскую свою карту, тюбик губной помады, пачку салфеток, пакетик мятной жвачки и новенький прелестный японский зонтик. Для меня.

Жмелик

(Жмелик — придуманное моим сыном слово от украинского «джміль», что означает «шмель».)

— Твой сын закончит в тюрьме, — строго сказала соседка Элла, когда я приехала из командировки — Вы совсем не занимаетесь ребенком. Твой ребенок растет, как репейник у дороги. Вчера твой ребенок жестоко избил мальчика Рикачевских и нагрубил тете Дине Самохвалец. Сегодня во дворе все соседи это обсуждают. Твоему ребенку запретят играть с другими детьми. Твой ребенок ступит на несправедный путь, пойдет по наклонной и рано или поздно попадет в колонию для малолетних преступников. И вот тогда-а-а...

Я влетела в школу, где учился мой злоумышленник, постучала в дверь, где было написано «3-А класс» и попросила сына на секунду. И учительница, золотая Светлана Ивановна, которую мой изобретательный ребенок звал Сметана Сметановна за блондинистость, пышность и белокожесть, ласково сказала: «Данилка, а к тебе мама пришла».

Ага, Данилка, думала я, тот еще Данилка, позор семьи моей Данилка.

Ко мне вышел мальчик, меньше самой маленькой девочки в классе, ростом с корзину для бумаг, зеленую такую, у Сметаны под столом, и, выходя из класса, сообщил классу туда, себе за плечо, а ко мне мамочка пришла в школу, ура. А потом задрал на меня свою веселую и смышленную мордашу.

У меня хорошее воображение, но я не могла представить, как этот клоп напал на мальчика Рикачевских, выше его на три головы и старше на четыре года, набросился, хорошенько его отметелил и по ходу еще и нагрубил тете Дине, именитой нашей соседке тете Дине.

Тетя Дина Самохвалец — это вообще отдельный цирковой номер. Тетя Дина — это ненастье, это катастрофа. Тетя Дина Самохвалец это горючий и взрывной гибрид асфальтового катка, который основательно укатывает всех и вся под свои колеса, и сирены гражданской обороны. Есть подозрение, что у нее где-то на животе приделана кнопка. И достаточно малейшего повода, чтобы тетя Дина Самохвалец, порывшись в пуговицах своего необъятного халата, ткнула в нее железным своим указательным пальцем и завелась с пол-оборота. Когда она орет, собаки прячутся в щели и подвалы, коты прижимают уши, птицы падают с неба замертво, в домах звенят стекла и люстры, а электрики и сантехники нашего ЖКХа моментально писаются от страха.

И мой клоп нагрубил вот этому вот стихийному бедствию.

Я сказала ему, такому маленькому и такому объективно симпатичному, Даниил Аркадич, — когда я сержусь, я и сейчас так говорю, — Даниил Аркадич, сказала я своему потенциальному заключенному, будущему каторжнику, узнику и острожнику, — ой, сейчас зареву, так жалко его стало, — есть мужской разговор! Пройдем в сад.

Он весь уже издергался за эти три минуты, пока трусил за мной по коридору, потом по ступенькам в школьный двор, ужас. (Ну я же идиотка тогда была, еще хуже, чем сейчас.) А внутри у него в животе дрожащий заячий хвостик. И на мордочке было все видно, как ему не по себе.

— Рассказывай давай, — усадила я его перед собой, — почему ты отлупасил Рикачевского и нагрубил тете Дине Самохвалец.

Данька виновато взмахнул на меня ресницами, вздохнул глубоко и начал:

— Я.. нес... жмелика... на цветочке.

Сколько жить буду, всегда буду помнить, как он это сказал. Он сказал это так, что я поняла, что он нес на цветке, бережно и осторожно, аккуратно ступая, не сводя глаз со своей мохнатой рыжей ноши, он нес на цветке не просто шмеля, а величайшую для себя живую ценность.

*

— Я нес жмелика на цветочке. Я его нашел в траве, жмелика. Он там гудел. Я хотел его пересадить на куст повыше, чтоб на него не наступили. Нес-нес, нес-нес, и почти донес. А тут прибежал Рикачевский и сбил жмелика с цветка. На землю... И я наклонился, чтобы его подобрать. А Рикачевский засмеялся вот так: «Гы-гы-гы!» — и накрыл его ботинком своим. Ботинком, который у него на ноге. И топтал его, топтал. Топтал тысячу раз. Втаптывал его. Жмелика. И жмелик это... И тогда я это... Как дал Рикачевскому в нос, чтоб он знал. И Рикачевский заревел.

А тетя Дина Самохвалец на лавке во дворе раскричалась, что это делается, га?! Этот ребенок Даня этих со второго этажу, он же хулиган какой, га?! Он же бандит, он же убийца какой, га?! Ах, негодяй, какой же, га?!

А я сказал, тетя Дина Самохвалец, вы сами хулиган, тетя Дина Самохвалец, бандит, убийца и негодяй. И потом я пошел домой. И был дома тихий-тихий. А бабушка сказала, что, Даня, кушать. А мне хотелось лежать в темноте.

*

Мы с ним помолчали немного, а потом обнялись. Если кто не знает, человека, особенно маленького, надо обнимать минимум семь раз в день. Минимум. А то и больше. Это очень полезно. И поэтому я обняла его, а он обнял меня. А потом я задала совсем какой-то неправильный с точки зрения воспитания и педагогики вопрос.

— Даня, этот Рикачевский, он ведь такой высокий, длинный такой, как же ты достал до его носа?

И немного картавя от волнения, Данька повозился в моих руках, поднял ко мне лицо и ответил, немного удивляясь моей непонятливости:

— Как-как. Подп'ыгнул.

Я прижала его к себе всего, целиком, маленького в форменном синем пиджачке со школьной эмблемой на рукаве, всего — пальцы со следами фломастера, макушка, стриженная, пахнувшая орешками, мягкие ушки — прижала его к себе, и немного помедлив, спросила:

— Ты... ты потом плакал?

Данька всхлипнул мне в кофту и буркнул:

— Еще чего!

ЖЖ Марианны Гончаровой (*свежие рассказы и миниатюры*): Maroosya.livejournal.com

Сайт о творчестве Марианны Гончаровой (*информация об авторе и книгах, тексты рассказов, фотографии, интервью, гостевая книга*): www.Maroosya.com

Книги Марианны Гончаровой можно приобрести в магазине OZON.ru